

Крымский научный вестник

krvestnik.ru



№ 1 (22), 2019

Электронный научный журнал
Крымский научный вестник

№ 1 (22), 2019 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также другими ведущими учеными.

В журнале рассматриваются результаты научных исследований в области экономических, юридических и педагогических наук.

Авторами статей являются ведущие специалисты современного научного знания, преподаватели ВУЗов, аспиранты и научные работники.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, магистрантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор — **Юлиана Владимировна Соловьёва**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов.

Учредитель и издатель: **ООО «Межрегиональный институт развития территорий»**, Ялта, Республика Крым.

Журнал издаётся с мая 2015 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-61683 от 07.05.2015 (СМИ — «сетевое издание»).

Журнал включен в крупнейшие международные базы данных, системы цитирования и библиографические системы, охватывающие мировой поток продолжающихся и периодических научных изданий: ПИНЦ, GoogleScholar, DOAJ, OAJI, SHEPRA/ROMEO, SIS, ResearchBib, CiteFactor, UlrichsWeb, ESJI, AcademicKeys.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://krvestnik.ru>

E-mail редакции: red@krvestnik.ru

Редакционный совет

Азарян Елена Михайловна — доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Люй Хуэй (Lyuì Khuei) — д-р ист. наук, декан факультета русского языка института иностранных языков Хайнаньского государственного университета г. Хайкоу, провинция Хайнань, Китай

Никонович Сергей Леонидович — д-р юрид. наук, доцент, директор ООП «Юриспруденция» Высшей школы бизнеса, менеджмента и права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Новоселов Сергей Николаевич — д-р экон. наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор директор института экономики и управления в пищевой отрасли МГУПП, заведующий кафедрой «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП.

Петунин Олег Викторович — д-р пед. наук, профессор ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»

Печеная Людмила Тимофеевна — д-р экон. наук, профессор кафедры «Экономик труда и управления» РЭУ имени Г.В. Плеханова

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна — д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой прикладной информатики Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь

Чудновский Владимир Михайлович — д-р биол. наук, канд. физ.-мат. наук, заведующий лабораторией биофизики Тихоокеанского океанологического института им. В. И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН

Шарихин Александр Егорович — д-р юрид. наук, старший советник юстиции, профессор кафедры судостроительства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Гружевский Валерий Алексеевич — канд. пед. наук, доцент, Крымский университет культуры искусства и туризма, г. Симополи

Записная Татьяна Валерьевна — канд. юрид. наук, доцент кафедры «Публично-правовые дисциплины» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова

Исламова Эльнара Рафисовна — канд. юрид. наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург

Малышенко Константин Анатольевич — канд. экон. наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте

Рындач Марина Алексеевна — канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса, руководитель образовательной программы направления подготовки «Туризм» Института экономики и управления гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Селиванов Виктор Вениаминович — канд. экон. наук, доцент кафедры Менеджмента и туристического бизнеса Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте); академик транспортной академии Украины, «Заслуженный работник транспорта АРК»

Толкачева Светлана Владимировна — канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП

Штофер Геннадий Аркадьевич — канд. экон. наук, доцент, кафедра экономики предприятия Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Содержание

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Родионова И. А., Кокуйцева Т. В., Мицкевич-Далецкий Ю. Уровень инновационного и индустриального развития: позиции стран СНГ в международных рейтингах	5
Кузнецова Е. П. Состояние производственной кооперации в Вологодской области	18
Ибрагимов Т. Г., Якунина М. Г. Тенденции и перспективы развития малого бизнеса в России на примере зарубежного опыта	25

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Середнев В. А. К вопросу традиционного отечественного права как механизму сохранения групповой идентичности народа (историко-социологический аспект)	33
Аблятипова Н.А., Луговая Ю. С. Ограничение родительских прав: современные проблемы реализации	44
Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних	51
Артеменкова Е. А. Защита прав ребёнка, на жизнь уполномоченным по правам ребёнка в Саратовской области	58
Петкевич Т. В. Электронное уголовное дело в решении вопроса о соблюдении разумных сроков предварительного расследования	65

Content

ECONOMICS

Rodionova I.A., Kokuytseva T.V., Mitskevich-Daletsky U. The level of innovative and industrial development: the positions of the CIS countries in international ratings	5
Kuznetsova E.P. State industrial cooperation in Vologda region	18
Ibragimov T.G., Yakunina M.G. Trends and prospects of development of small business in Russia on the example of foreign experience	25

JURIDICAL SCIENCES

Serednev V. A. To the question of traditional domestic law as a mechanism of preserving the group identity of the people (historical and sociological aspect)	33
Ablyatipova N.A., Lugovaya Y.S. The restriction of parental rights: modern problems of realization	44
Pikin I.V., Tarakanov I.A., Pichugin S.A. Peculiarities of criminal responsibility and punishment of minors	51
Artemenkova E.A. Protection of the rights of the child, on life the ombudsman for children in the Saratov region	58
Petkevich T.V. Electronic criminal case addressing the issue of observance of reasonable terms of preliminary investigation	65

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ECONOMICS

УДК: 330.341.424

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10031

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ 2019 г. на тему №26.13445.2019/13.1 «Научно-методическое, аналитическое и нормативно-правовое сопровождение деятельности по выполнению Комплекса мероприятий на 2018-2020 годы по реализации Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года»

УРОВЕНЬ ИННОВАЦИОННОГО И ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПОЗИЦИИ СТРАН СНГ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ

И. А. Родионова, Т. В. Кокуйцева, Ю. Мицкевич-Далецкий

Статья посвящена анализу позиций стран СНГ в международных рейтингах. Отмечается, что многие из стран СНГ находятся не просто в середине, а зачастую ближе к концу списка государств в мировых инновационных рейтингах. Охарактеризованы позиции стран СНГ на фоне стран-лидеров индустриального развития.

Ключевые слова: индустриализация, обрабатывающая промышленность, инновационное развитие, рейтинги, СНГ.

Введение

Одна из целей ООН в области устойчивого развития формулируется как необходимость стимулирования инновационной деятельности и значительного увеличения числа работников в сфере исследовательской и конструкторской работы во всех странах мира [13]. Вопросам развития инновационной сферы, изучению структуры и региональных особенностей расходов на НИОКР в мире, проблематике развития национальных инновационных систем, вопросам финансовой поддержки процесса патентования и многим другим посвящают исследователи свои работы [9; 10; 22; 23]. Основой стратегий инновационного развития экономически высокоразвитых стран в настоящее время выступают научные исследования, коммерциализация технологий и вывод инноваций на внутренний и мировой рынок [2; 3; 4; 22; 25; 29; 30]. Отмечается,

Родионова Ирина Александровна — д. геогр. наук, профессор, кафедра региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов, г. Москва

Кокуйцева Татьяна Владимировна — к.э.н., заместитель директора по научной работе Центра управления отраслями промышленности, Российский университет дружбы народов, г. Москва

Мицкевич-Далецкий Ю. — студент, Российский университет дружбы народов, г. Москва

что в инновационной экономике рост ВВП главным образом достигается за счет производства и экспорта-импорта высокотехнологичных товаров и услуг. В связи с чем и поднимаются вопросы развития НИОКР и внедрения их в практику, в том числе с помощью деятельности крупнейших транснациональных корпораций [7, 11, 12].

Переход к постиндустриализму происходит вместе с продолжающимся процессом индустриализации в мире. В «Отчетах о промышленном развитии» (Industrial Development Report, UNIDO) раскрывается роль процесса индустриализации в мировом развитии. При этом подчеркивается роль промышленного производства как основного драйвера экономического развития. В «Отчете о промышленном развитии 2018. Спрос на продукцию обрабатывающей промышленности: фактор всеохватывающего и устойчивого промышленного развития» проиллюстрирован новый взгляд на промышленное развитие с точки зрения спроса и потребления промышленной продукции [20].

Особый интерес при изучении разных аспектов инновационного и индустриального развития представляют обзоры и доклады международных организаций. Очень информативны аналитические материалы, знакомящие читателей с интегральными индексами инновационного развития, в том числе: The Global Innovation Index [16], The Networked Readiness Index [17], The ICT Development Index [7], The Global Competitiveness Index [15] и другие.

Перед Россией и другими странами СНГ, безусловно, стоит задача перехода к социально-ориентированному инновационному типу экономического развития, адекватного современным вызовам мирового технологического развития. Страны СНГ продолжают уступать ведущим мировым лидерам по показателям инновационной активности и экономического развития. В свете нынешних экономических санкций экономически развитых стран Запада против России этот разрыв может увеличиться. А ведь именно технологическое превосходство будет определять положение государства в числе лидеров мировой индустрии, а, значит, и в мировой экономике.

Цель данного исследования сопоставить позиции стран СНГ в международных рейтингах инновационного и индустриального развития.

Методика исследования

Сегодня инновации, исследования и разработки — важная часть политических амбиций в большинстве развитых и развивающихся стран. Глобальные расходы на научные исследования продолжают расти. R&D Magazine прогнозировал, что в 2018 г. глобальные траты на НИОКР увеличатся до 2,2 трлн долл.

Представим лидеров этого процесса. Это: США, Китай, Япония, Германия, Республика Корея, Индия, Франция, Россия, Великобритания, Бразилия. При этом необходимо оценивать объем расходов на НИОКР в расчете на душу населения (или на число исследователей).

Для достижения поставленной в нашей статье цели по сопоставлению инновационного и индустриального развития стран СНГ были предприняты следующие шаги. Проанализированы рейтинги индексов инновационного развития стран мира (табл. 1). Причем были просчитаны коэффициенты корреляции между ними (отмечена высокая корреляция от 0,86 до 0,91). Создана база данных по нескольким отобраным критериям,

отражающим уровень экономического, инновационного и индустриального развития стран и был рассчитан «относительный индекс индустриализации». Экономическое развитие 117 государств на 2015 г. отображали данные о ВВП (по ППС) на душу населения и уровень потребления электроэнергии на душу населения. Инновационное развитие стран мира оценивалось по рейтинговым таблицам трех инновационных индексов (GII, ICT, NRI). Индустриальное развитие отображали показатели объемов производства обрабатывающей промышленности на душу населения и показатели, характеризующие уровень развития высокотехнологичного экспорта. Были просчитаны корреляционные связи между показателями инновационного и индустриального развития. То есть рассчитывались коэффициенты корреляции (табл. 3). Формула расчета использовалась стандартная (корреляция рассчитывается в программе Excel).

Показатель стоимости продукции обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения или добавленная стоимость (MVA — manufacturing value added per capita) — является наиболее корректным при характеристике уровня индустриализованности стран мира. Был также рассчитан «относительный коэффициент индустриализации» стран мира (или "коэффициент индустриализации"), который представляет собой отношение доли страны в создании продукции обрабатывающей промышленности мира к доле той же страны в мировом населении. У высокоразвитых стран данный показатель много выше единицы, а у менее развитых в индустриальном отношении государств он ниже единицы.

Результаты исследования

Из широко известных интегральных индексов, характеризующих уровень развития экономики государств мира, основанной на знаниях, нами были выбраны четыре: The Global Innovation Index, The Networked Readiness Index, The ICT Development Index, Bloomberg Innovation Index. Их показатели оценивают различия между странами в уровне внедрения в практику и в производство инноваций и информационных технологий. При этом их показатели оценивают наличие сетевой инфраструктуры и готовность к ее использованию в гражданском обществе, деловой среде и государственных структурах [11]. Представленная ниже таблица иллюстрирует основные параметры анализируемых инновационных индексов (табл. 1).

Таблица 1.

Индексы инновационного развития стран мира

Глобальный инновационный индекс (GII), 2018 г.	Индекс готовности стран мира к сетевой экономике (NRI), 2016 г.	Индекс ИКТ (The ICT Development Index — IDI), 2017 г.	Bloomberg Innovation Index, 2017 г.
Число анализируемых в рейтинге стран			
126	167	176	50
Количество показателей или групп критериев оценки инновационного развития			
80 (5 групп показателей)	Три блока данных:	11 показателей	7 групп показателей
Основные группы критериев оценки инновационного развития			

Показатели, позволяющие оценить уровень инновационной активности и эффективность политики в этой области: 1) располагаемые ресурсы и условия для проведения инноваций (Innovation Input): институты; человеческий капитал и исследования; инфраструктура; уровень развития рынка и бизнеса; 2) достигнутые результаты внедрения инноваций (Innovation Output): развитие технологий и экономики знаний; результаты творческой деятельности.	Показатели отражают: 1) наличие сетевой инфраструктуры; 2) готовность к ее использованию в гражданском обществе, деловой среде и государственных структурах; 3) реальный уровень использования ИКТ	Показатели касаются доступа к ИКТ, использования ИКТ, а также навыков, то есть практического знания этих технологий населением стран, охваченных исследованием.	Показатели характеризуют: 1.НИОКР; 2.производство добавленной стоимости; 3.производительность труда; 4.плотность высоких технологий; 5.эффективность высшего образования 6.концентрацию исследователей; 7.патентную активность.
--	---	---	--

Источник: составлено авторами по источникам: [1, 6, 16, 17].

Все индексы оценивают большое число показателей и позволяют характеризовать способности стран создавать, принимать и распространять знания. Анализ данных рейтингов позволяет определить позиции стран в мировой таблице о рангах, а также оценить их положение в сравнении со странами лидерами инновационного развития.

Следует отметить, что в широко известном рейтинге, ежегодно рассчитываемом экспертами Всемирного экономического форума (ВЭФ), *Индексе глобальной конкурентоспособности* (The Global Competitiveness Index, GCI), лидирующие позиции занимают страны, поставившие на службу своей экономике научные знания, широко внедряющие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и инновации во все сферы жизнедеятельности населения. Эксперты ВЭФ определяют конкурентоспособность как комплекс институтов и установок властей и факторов производства, от которых зависит уровень производительности экономики. Две из 12-ти интегральных позиций («основ конкурентоспособности») отображают показатели, характеризующие высшее образование и профессиональную подготовку, а также особенности инновационного потенциала стран мира (в данном международном рейтинге Россия в 2017 г. заняла 38

позицию из 137-ми (в 2012 г. — страна была на 67-й строке). Все страны СНГ разместились на позициях от 35-й (Азербайджан) и до 102-й (Киргизстан) [14].

Безусловно, интерес представляет Bloomberg Innovation Index, который готовят эксперты одного из ведущих информационных агентств планеты [26]. В лидирующей десятке находятся: Республика Корея, Германия, Финляндия, Швейцария, Израиль, Сингапур, Швеция, США, Франция. Россия разместилась на 27 позиции. Bloomberg опубликовал в 2019 г. рейтинг из 60 лучших инновационных экономик (в 2016–2018 гг. публиковались данные по Топ-50 стран). Все 7 групп показателей имеют одинаковый вес. Важно отметить (особенно для целей нашего исследования), что при составлении данного рейтинга учитываются, кроме показателей инновационного развития государств, также и такие важные показатели развития промышленности, как добавленная стоимость в производстве, производительность труда, удельный вес высоких технологий. Именно этот факт позволяет нам относиться со всей серьезностью к рейтингу стран, составленному по данному инновационному индексу. Эксперты не зря подчеркивают основную мысль, что контроль над мировой экономикой в XXI веке будут осуществлять государства через контроль над инновационными технологиями.

Проанализируем состав лидеров инновационного развития по рейтинговым таблицам интегральных индексов, а также выделим позиции стран СНГ. Так, среди лидеров зачастую представлены небольшие по числу жителей Скандинавские страны, а также Сингапур, Германия, Швейцария и Республика Корея. Отметим, что даже США и Япония далеко не всегда входят в лидирующую десятку, хотя уровень инновационного развития в этих странах значительный (табл. 2).

Таблица 2.

Позиции стран СНГ на фоне стран-лидеров инновационного развития

Глобальный инновационный индекс (GII), 2018 г. (из 126 стран)		Индекс готовности стран мира к сетевой экономике (NRI), 2016 г. (из 139 стран)		Индекс ИКТ (The ICT Development Index — IDI), 2017 г. (из 176 стран)		Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI), 2017-2018 гг. (из 137 стран)	
1	Швейцария	1	Сингапур	1	Исландия	1	Швейцария
2	Нидерланды	2	Финляндия	2	Республика Корея	2	США
3	Швеция	3	Швеция	3	Швейцария	3	Сингапур
4	Великобритания	4	Норвегия	4	Дания	4	Нидерланды
5	Сингапур	5	США	5	Великобритания	5	Германия
...							
43	Украина	39	Казахстан	32	Беларусь	35	Азербайджан
46	Россия	41	Россия	45	Россия	38	Россия
48	Молдова	53	Азербайджан	52	Казахстан	57	Казахстан
68	Армения	56	Армения	59	Молдова	73	Армения
74	Казахстан	64	Украина	65	Азербайджан	79	Таджикистан
82	Азербайджан	71	Молдова	75	Армения	81	Украина
86	Беларусь	95	Киргизстан	79	Украина	89	Молдова

94	Киргизстан	114	Таджикистан	95	Узбекистан	102	Киргизстан
101	Таджикистан	-	Узбекистан	109	Киргизстан	-	Беларусь
-	Узбекистан	-	Беларусь	-	Таджикистан	-	Узбекистан
-	Туркменистан	-	Туркменистан	-	Туркменистан	-	Туркменистан

Источник: составлено авторами по источникам: [1, 6, 15-17].

Проведенный анализ рейтинговых таблиц показал, что не все страны СНГ бывают в них представлены (так, например, не представлены в рейтингах Узбекистан, Туркменистан, а иногда и Республика Беларусь). Далеко не всегда среди стран СНГ Россия лидирует (ее опережают то Беларусь, то Казахстан, то Украина, то Азербайджан). Далее — многие из стран СНГ находятся не просто в середине, а зачастую ближе к концу списков государств в рейтингах. Так, в рейтинговой таблице Глобального инновационного индекса (ГИИ) из 126 анализируемых государств Азербайджан разместился на 82-й позиции (для сравнения: 81-ю позицию занимает Ямайка, а 83-ю — Албания). Даже Беларусь занимает лишь 86-ю позицию вслед за Индонезией, опережая Доминиканскую Республику и Шри-Ланку. Что уж говорить о позициях Киргизии (94-я рядом с Египтом и Намибией) и Таджикистана (101-я между Сенегалом и Гватемалой). Позиции стран СНГ в других рейтинговых списках представлены в таблице 2.

Не слишком высокие места России и других стран СНГ в рейтингах (в том числе в международном рейтинге глобальной конкурентоспособности) доказывают наличие серьезных проблем в развитии национальных инновационных систем этих государств и в реализации стратегий инновационного развития [13].

Собранная матрица данных из официальных источников ЮНИДО, МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, ЮНЕСКО, Научного фонда США и других международных организаций позволила нам оценить позиции стран мира по отдельным показателям индустриального развития и рассчитать коэффициенты корреляции между совокупностью данных. Отметим, что самая высокая корреляция (0.7-0.8) обнаружена между данными рейтингов инновационного развития по 117 странам мира и тремя показателями: ВВП на душу населения, данными по объему продукции обрабатывающей промышленности на душу населения и рассчитанными авторами данными об «относительном уровне индустриализации», за основу расчета которого были взяты данные о доле стран в мировой индустрии и мировом населении). Более низкие коэффициенты корреляции (0.4-0.5) отмечались с такими показателями, как доля высокотехнологичного экспорта от промышленного экспорта страны и объемом высокотехнологичного экспорта в расчете на душу населения. Это легко объяснимо. Далеко не все государства, имеющие высокие показатели, являются одновременно экономически высокоразвитыми. Многие развивающиеся страны создают подобного рода продукцию исключительно на экспорт (например, Сингапур, Республика Корея, Малайзия, Вьетнам, Таиланд и даже Филиппины). Таким образом, нами была выявлена прямая связь между уровнем инновационного и индустриального развития. Однако каждую из составленных таблиц по всем отобранным нами показателям необходимо оценивать отдельно и глубоко.

Согласно оценке экспертов ЮНИДО, на позицию мирового лидера индустриального развития (по стоимости промышленной продукции) в настоящее время вышел Китай (24,8% мирового объема, 2017 г.). За ним уже следуют: США (15,3%), Япония (9,1%), Германия (6,3%), Индия (3,3%), Республика Корея (3,0%), Италия, Франция, Бразилия, Индонезия, Великобритания, Россия (12-я позиция), Мексика, Испания, Канада [21]. Отметим, что на эти 15 стран-лидеров приходится около 80% мирового промышленного производства. Непосредственно интенсивность процесса индустриализации и техническую оснащенность промышленного производства отражают показатели доли высокотехнологичного экспорта в промышленном экспорте страны и объемов высокотехнологичного экспорта в расчете на душу населения.

Влияние обрабатывающей промышленности на тенденции развития всей мировой экономики (на развитие инфраструктуры, на создание рабочих мест, на вклад в создание валового продукта) отражает Глобальный индекс конкурентоспособности в обрабатывающей промышленности — Global Manufacturing Competitiveness Index (GMCI). Лидерство в мировой экономике странам обеспечивает именно обрабатывающая промышленность как главный драйвер экономического роста. Промышленность Китая выделяется экспертами как наиболее конкурентоспособная (среди 60-ти анализируемых экономик). Вслед за Китаем в рейтинговой таблице на 2016 г. следуют США, Германия, Япония, Республика Корея, Великобритания, Тайвань, Мексика, Канада, Сингапур. При этом в первой двадцатке стран-лидеров разместились 11 азиатских стран (наряду с Китаем, Японией, Кореей, Тайванем и Сингапуром там находятся также Индия, Таиланд, Турция, Малайзия, Вьетнам, Индонезия). Однако, согласно прогнозу экспертов на 2020 г., США вновь выйдут на лидирующую позицию [5].

Доклад ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) об эффективности промышленности национальных экономик (The Industrial Competitiveness of Nations) также позволяет оценить позиции стран в мировой индустрии и происходящие в данной отрасли процессы. Также в течение ряда лет эксперты ЮНИДО рассчитывают индекс, характеризующий уровень эффективности промышленного производства стран мира — Competitive Industrial Performance Index (CIP Index) [20,21]. Под «индустрией» понимается совокупность отраслей, занимающихся производством средств производства и предметов потребления, а также добычей природных богатств и их дальнейшей обработкой. В качестве характеристики развития экономики выбран критерий конкурентоспособности продукции. Он более интересен, чем текущий темп экономического роста. Эксперты ЮНИДО акцентируют внимание на способности стран «производить конкурентоспособную экспортную продукцию, отвечающую международным стандартам».

CIP Index определяет положение стран мира в рейтинге с точки зрения возможностей промышленного производства, технологической модернизации и общего влияния на мировое производство и торговлю. Для определения уровня конкурентоспособности промышленности стран мира были выбраны три группы показателей. Первая группа характеризовала способность стран производить и экспортировать промышленную продукцию (manufacturing value added per capita и manufactured exports per capita). Вторая группа показателей характеризовала качество производства и экспорта. Это доля средне- и высокотехнологической продукции в общем

объёме промышленной добавленной стоимости, доля промышленной добавленной стоимости в ВВП стран, а качественный состав экспорта отражали такие показатели, как доля высокотехнологического экспорта в общем промышленном экспорте и доля промышленного экспорта в общем экспорте страны. Показатели третьей группы оценивали долю страны в мировом производстве промышленной продукции и долю во всемирной торговле промышленной продукцией. Рейтинговую таблицу по CIP Индексу 2017 г. возглавили: Германия, Япония, Китай, США, Республика Корея, Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Сингапур, Италия [20]. Сравним позиции лидеров мировой индустрии и стран СНГ (табл. 3).

Таблица 3.

Позиции стран СНГ на фоне стран-лидеров индустриального развития

Competitive Industrial Performance Index (CIP Index), 2017г. (из 150стран)		Продукция обрабатывающей промышленности на душу населения (долл.), 2017 г.	Доля обрабатывающей промышленности в ВВП страны (%), 2017 г.	ВВП (по ППС) на душу населения (долл.), 2017 г.
1	Германия	9889	21	50 800
2	Япония	9197	19	42 900
3	Китай	2266	32	16 700
4	США	6072	11	59 800
5	Респ. Корея	7573	29	39 500
...				
33	Россия	1511	13	27 900
46	Беларусь	1456	24	18 900
64	Украина	360	12	8 800
69	Казахстан	1079	10	26 300
99	Армения	432	10	9 500
106	Азербайджан	310	5	17 500
110	Молдова	226	12	2 700
120	Киргизстан	138	13	3 700
131	Таджикистан	78	8	3 200
н/д	Узбекистан	342	17	6 900
н/д	Туркменистан	2781	38	18 200

Источник: составлено авторами по источникам: [18, 21].

Как уже было отмечено выше, одним из важнейших критериев уровня индустриализованности государства является показатель стоимости продукции обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения или добавленная стоимость (manufacturing valueaddedpercapita). Мировыми лидерами по стоимости продукции, добавленной обработкой в промышленности в расчете на душу населения в 2017 г. (в ценах 2010 г.) являлись — Ирландия (20850 долл.), Швейцария (13889 долл.), Германия (9889 долл.), Япония (9197 долл.), Швеция (9097 долл.), Сингапур (8780 долл.) [20]. У стран СНГ данный показатель фактически на порядок ниже, чем у промышленно развитых государств, и ниже, чем среднемировой показатель — около

1700 долл. (табл. 3). Среди стран СНГ в индустриальном отношении несколько выделяются лишь Беларусь, Россия и Казахстан. Отметим, что Россия разместилась на 33-й позиции среди 150 стран мира. Не слишком велики и показатели ВВП (по ППС) на душу населения у стран СНГ (причем у многих данный показатель даже ниже среднемирового значения — 17 500 долл., 2017 г.) [18]. Отсюда и соответственные позиции в рейтинговой таблице Competitive Industrial Performance Index (CIP Index). Страны СНГ заняли места с 33 (Россия) до 131 (Таджикистан). Данные по Туркменистану и Узбекистану — отсутствуют.

Дискуссия

Иными словами, перестройка экономики при переходе «от плана к рынку» в постсоветских государствах после распада СССР не улучшила состояние индустриального сектора. Напротив, были потеряны целые отрасли, и разрушены экономические межотраслевые связи между республиками, когда они стали в начале 1990-х годов суверенными и переориентировали свою внешнюю торговлю на государства вне СНГ. При этом невозможно судить о современном уровне развития промышленности на основе анализа лишь одного-двух показателей. Необходима многокомпонентная характеристика, чтобы отразить разные аспекты уровня инновационного развития и индустриализованности стран СНГ.

В настоящее время в РФ и других странах СНГ разрабатываются законодательные документы, утверждающие движение наших стран в направлении инновационного развития. Так, для России наиболее значимым документом является «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», которая «призвана ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, определить цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики» [26]. В рамках данной Стратегии раскрывается задача формирования научно-технологического потенциала нашей страны адекватного современным вызовам мирового технологического развития. Но, по сути, ни один механизм Концепции 2020 не заработал еще в полную силу. А значительная зависимость экономики страны от экспорта природных ресурсов лишь тормозит модернизацию экономики в направлении инновационного развития.

Для инновационного развития экономики необходима достаточно жесткая государственная политика и значительно более значительный объем финансирования научной и инновационной сферы. Слишком мало места в Стратегии инновационного развития отводится фундаментальной науке. Печально, но продолжает снижаться качество образования на всех уровнях. По нашему глубокому убеждению, в принципе неверен имеющий ныне место перенос центра тяжести фундаментальных научных исследований в университеты, далеко не все из которых обладают для этого соответствующей научной базой. У вузов всегда основной задачей была подготовка высококвалифицированных специалистов. То есть основная функция структур высшей школы была образовательная (и таковой она должна являться), коль речь идет о формировании человеческого капитала, без которого никакой инновационной экономики не будет.

Но ныне деятельность вузов стран СНГ именуется образовательной услугой, а от профессорско-преподавательского состава высшей школы (кроме выполнения возросшей учебной нагрузки) руководство требует и серьезные научные исследования (получение и выполнение работ по грантам), и научные публикации в высокорейтинговых зарубежных журналах (SCOPUS и WoS). Таким способом в инновационную экономику не войдем. Научные школы формируются многие десятилетия. Любая национальная система образования имеет глубокие исторические корни. В ней наиболее ярко проявляется национальная специфика. Разрушить ее легко, но сформировать новую с ориентацией на лучшие достижения мировых образовательных систем за короткий срок очень и очень сложно. И здесь не помогут ни прямое копирование, ни подражание.

Важно также понять — есть ли в стране спрос на инновации. При этом сложные проблемы возникают при взаимодействии государства и частного бизнеса в сфере венчурного инвестирования. Крупнейшие российские компании недостаточно средств вкладывают в сферу НИОКР (а в мире как раз крупнейшие ТНК занимаются НИОКР или R&D). В Стратегиях инновационного развития стран СНГ поставлены серьезные ориентиры, но будут ли достигнуты эти планки и решены все поставленные задачи? Вопросов пока очень и очень много.

Как показал проведенный анализ позиций стран СНГ в международных рейтингах, они продолжают уступать ведущим мировым лидерам по показателям инновационной активности и экономического развития. В свете нынешних экономических санкций экономически развитых стран Запада против России этот разрыв может даже увеличиться.

Заключение

В мировом сообществе развитие инновационных технологий просто продолжается. Речь идет о новой парадигме мирового развития — «Индустрия 4.0» [28]. Государства-лидеры будут осуществлять контроль над мировой экономикой в XXI в. через контроль над инновационными технологиями. В условиях четвертой промышленной революции, которая обещает объединить мир производства и глобальную информационную сеть в единый Интернет вещей, возможно в самом ближайшем будущем «Индустрия 4.0» станет реальностью. А это совершенно новые условия жизни для всего человечества. Чтобы странам СНГ не перейти в группу аутсайдеров и интегрироваться в сообщество экономически развитых стран, уже в высокой степени использующих преимущества инновационного развития, необходимо быстрее двигаться в этом направлении.

Литература

1. Bloomberg Innovation Index 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://theworldonly.org/rejting-innovatsionnyh-ekonomik/>
2. Crescenzi R., Rodriguez-Pose A. Innovation and Regional Growth in the European Union // Advances in Spatial Science. DOI 10.1007/978-3-642-17761-3_2, Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011.
3. Dominiak J., Rachwał T. Chief Development Tendencies, Structural Changes and Innovativeness of the Industrial and Service Sectors in Poland // Quaestiones Geographicae,

2016, Volume 35 (4). P. 49-69 [Электронный ресурс]. URL: www.deepdyve.com/lp/degruyter/chief-development-tendencies-structural-changes-and-innovativeness-of-Ey3DE7prGd

4. Gierańczyk W. Development of High Technologies as an Indicator of Modern Industry in the EU // Bulletin of Geography. Socio-economic Series, no. 14/2010:23-35. [Электронный ресурс]. URL: www.bulletinofgeography.umk.pl/14_2010/02_Gieranczyk.pdf

5. Global Manufacturing Competitiveness Index 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://avraska.com.tr/Dokumanlar/Global-Manufacturing-Competitiveness-2016.pdf>

6. Measuring the Information Society Report 2017. The ICT Development Index (IDI) [Электронный ресурс]. URL: www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html

7. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015. Innovation for growth and society. OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс]. URL: www.oecd.org/sti/oecd-science-technology-and-industry-scoreboard-20725345.htm

8. R&D Magazine. 2016 Global R&D Funding Forecast. Winter 2016. Industrial Research Institute (IRI) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iriweb.org/sites/default/files/2016GlobalRDFundingForecast.pdf>

9. Rodionova I., Kokuytseva T. Current state and development prospects of the Russian economy // Quaestiones Geographicae 30(2), 2011:23–34 [Электронный ресурс]. URL: www.degruyter.com/downloadpdf/j/quageo.2011.30.issue-2/v10117-011-0015-z/v10117-011-0015-z.pdf

10. Rodionova I., Kokuytseva T., Semenov A. Features of migration processes in different world industries in the second half of the XX century. Journal of Applied Economic Sciences, 2016, Volume XI, Issue 8 (46):1769-1780. [Электронный ресурс]. URL: [www.cesmaa.eu/journals/jaes/files/JAES%20Winter%208\(46\)_online_last.pdf](http://www.cesmaa.eu/journals/jaes/files/JAES%20Winter%208(46)_online_last.pdf)

11. Rodionova I. Competitiveness of countries in the world innovation economy: East-Central Europe and Russia // Quaestiones Geographicae 2013, Volume 32(2). P. 15-24 [Электронный ресурс]. URL: www.degruyter.com/view/j/quageo.2013.32.issue-2/quageo-2013-0010/quageo-2013-0010.xml?format

12. Science and Engineering Indicators — 2018. Appendix (tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://nsf.gov>

13. Solovieva Yu. Interaction in the innovative sphere: Russia and CIS countries // Analysis of International Relations 2018. Methods and Models of Regional Development: VIII International Scientific Conference. Katowice, 2018. P. 140–146.

14. Sustainable Development Goal 9. Build resilient infrastructure, promote inclusive and sustainable industrialization and foster innovation [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/sdg9>

15. The Global Competitiveness Report, 2017-2018. World Economic Forum. Geneva, Switzerland 2018 [Электронный ресурс]. URL: www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018.

16. The Global Innovation Index 2018. Energizing the World with Innovation. INSEAD (The Business School for the World) and the World Intellectual Property Organization (WIPO) [Электронный ресурс]. URL: www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf

17. The Networked Readiness Index 2016. The Global Information Technology Report 2016. World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/public/resources/documents/GITR2016.pdf>
18. The World Facebook, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://cia.gov>
19. UNESCO Science report 2015: Towards 2030. Paris. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://light2015blog.org/2015/11/13/unesco-science-report-towards-2030/>
20. UNIDO Industrial Development Report 2018. Demand for Manufacturing: Driving Inclusive and Sustainable Industrial Development. Overview. Vienna. UnitedNationsIndustrialDevelopmentOrganization, 2018.
21. UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.unido.org/app/country/W3.htm?Country=191&Group=null>
22. Дмитриева С. И. Интернационализация инновационной деятельности: факторы, мотивы, трудности и противоречия // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. — Выпуск 4. — С. 268-271. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-innovatsionnoy-deyatelnosti-factory-motivy-trudnosti-i-protivorechiya#ixzz4eivJXlTH>
23. Ковалев Ю. Ю. Инновационные системы экономики стран БРИК // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2015. — С. 35-47 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-1-35-47>
24. Ковалев Ю. Ю. Инновационный сектор мировой экономики: понятия, концепции, индикаторы развития. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016.
25. Кузьмин И. В. Тенденции кооперации и интернационализации в современной инновационной деятельности // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2016. — № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/11/13019>
26. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/9282/>
27. Рейтинг инновационных экономик — 2019: Южная Корея лидирует шесть лет (Bloomberg Innovation Index 2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://theworldonly.org/rejting-innovatsionnyh-ekonomik-2019/>
28. Самые инновационные экономики мира — 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://global-finances.ru/bloomberg-innovation-index-2018/>
29. Соловьёва Ю. В. Формирование и развитие системы трансфера технологий в России и за рубежом // Вопросы экономики. — 2015. — №4. — С. 5–21.
30. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. Серия: Top Business Awards. — М.: Изд-во Эксмо, 2017.
31. Юдина Н. Н. Факторы интернационализации инновационной деятельности транснациональных корпораций // Актуальные вопросы экономических наук. — 2009. — № 4-1. — С. 78–81.

THE LEVEL OF INNOVATIVE AND INDUSTRIAL DEVELOPMENT: THE POSITIONS OF THE CIS COUNTRIES IN INTERNATIONAL RATINGS

Rodionova I.A., Kokuytseva T.V., Mitskevich-Daletsky U.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow

The article is devoted to the analysis of the positions of the CIS countries in international rankings. It is noted that many of the CIS countries are not just in the middle, but often closer to the end of the list of states in the world innovation rankings. The positions of the CIS countries against the background of the countries-leaders of industrial development are characterized.

Keywords: industrialization, manufacturing industry, innovative development, rankings, CIS.

УДК 334.012.64:334.012.62

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10032

СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. П. Кузнецова

В статье рассмотрены основные виды деятельности промышленных предприятий региона, в которых осуществляется кооперация. Показана территориальная расположенность предприятий, участвующих в проектах производственной кооперации. Обозначены основные направления, по которым осуществляется кооперация промышленных предприятий региона. В заключении делается вывод о том, что промышленные предприятия Вологодской области осуществляют проекты производственной кооперации, однако численность таких взаимодействий низкая. На основании выявленных проблем, связанных с низким взаимодействием предприятий, автором предложены пути решения, направленные на проведение целенаправленной политики по стимулированию производственной кооперации в регионе.

Ключевые слова: производственная кооперация, региональное развитие, реальный сектор экономики, направления осуществления производственной кооперации.

Производственная кооперация в современных условиях — это не только выход за рамки одного или нескольких предприятий, но и формирование на её основе нового пространства экономического развития в промышленности, поскольку сотни и тысячи малых предприятий в России создаются, существуют и развиваются именно благодаря производственной кооперации.

Современное развитие производственной кооперации состоит в том, что она становится в значительной мере не только объектом воздействия со стороны промышленного сообщества, но и центром интереса государственных органов власти и управления. Это в первую очередь относится к региональным и муниципальным властным системам, поскольку формируя, развивая и поддерживая кооперационные связи бизнес-структур, они обеспечивают эффективные основания экономического прогресса [5].

В связи с этим, целесообразно исследовать состояние производственной кооперации в Вологодской области.

Цель определяет необходимость решения следующих задач: выявление направлений экономического развития Вологодской области; анализ развития производственной кооперации в регионе.

Кузнецова Екатерина Петровна — инженер-исследователь, ФГБУН ВолНЦ РАН, г. Вологда

Экономика Вологодской области имеет индустриальный характер, так как в структуре ВРП преобладает промышленность (рис. 1). Высокий уровень промышленного потенциала обусловлен, в первую очередь, долей обрабатывающих производств в ВРП, которая составляет около 40% (в России — 18%, СЗФО — 21%). Обрабатывающие производства, в основном, представлены металлургической, химической, пищевой, перерабатывающей промышленностью, лесопереработкой, машиностроением [1].



Рис. 1. Структура ВРП Вологодской области по видам экономической деятельности в 2015 г. (в основных ценах, процентах к итогу).

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Однако в области присутствует низкий уровень диверсификации экономики с ярко выраженным моноструктурным характером с доминированием в объеме промышленного производства металлургического и химического секторов [2]. На протяжении последних лет наличие на территории области двух крупных предприятий — ПАО «Северсталь» и АО «ФосАгро-Череповец», аналоги которым создать было достаточно сложно, делало экономику региона зависимой от спроса на достаточно небольшие группы товаров. На сегодняшний день металлургическая и химическая промышленность продолжает оставаться отраслью, определяющей специфику экономики региона. Несмотря на то, что в 2005-2015 гг. доля этих отраслей в структуре обрабатывающих производств уменьшилась, она все еще остается высокой, составляя 50% [8]. Поэтому для расширения экономических возможностей региона стратегически важно развитие производственной кооперации.

В связи с этим ФГБУН ВолНЦ РАН с 2017 г. начал проводиться мониторинг научно-технологической деятельности в Вологодской области, который способствует выявлению кооперационных связей промышленных предприятий.

В опросе приняли участие 100 предприятий обрабатывающей промышленности, из них 63 отметили, что участвуют в проектах производственной кооперации. Выборка организаций была распределена по муниципальным районам области.

Социологическое обследование показало, что концентрация кооперационного взаимодействия предприятий выявлена в металлургии (32% от общего числа участвующих в кооперации), производстве пищевых продуктов (14%), обработке древесины и производстве изделий из дерева (13%), производстве машин и оборудования (11%) (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение опрошенных промышленных предприятий по основному виду деятельности, участвующих в проектах производственной кооперации.

№ п/п	Основной вид деятельности:	Абс. число	Доля от общего числа участвующих в кооперации, %
1	Добыча угля	1	1,6
2	Производство пищевых продуктов	9	14,2
3	Производство прочей неметаллической минеральной продукции	1	1,6
4	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	20	31,6
5	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	1	1,6
6	Производство электрического оборудования	1	1,6
7	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	7	11,1
8	Производство прочих транспортных средств и оборудования	1	1,6
10	Производство мебели	3	4,8
11	Производство прочих готовых изделий	2	3,2
12	Производство резиновых и пластмассовых изделий	2	3,2
13	Производство напитков	1	1,6
14	Производство кожи и изделий из кожи	1	1,6
15	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	8	12,7
16	Производство бумаги и бумажных изделий	2	3,2
17	Производство химических веществ и химических продуктов	2	3,2
18	Ремонт и монтаж машин и оборудования	1	1,6
Итого:		63	100

Источник: составлено автором на основе мониторинга научно-технологической деятельности в Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

В опросе приняли участие представители бизнеса, реализующие проекты производственной кооперации из 8 районов и 2 городских округов из 28 муниципальных образований области. Основное скопление предприятий расположено в гг. Вологде, Череповце и Сокольском районе (рис. 2), т. к. на данной территории создаются объекты промышленной инфраструктуры, в т.ч. индустриальные (промышленные) парки («Шексна», «Череповец», «Вологда», «Сокол»).

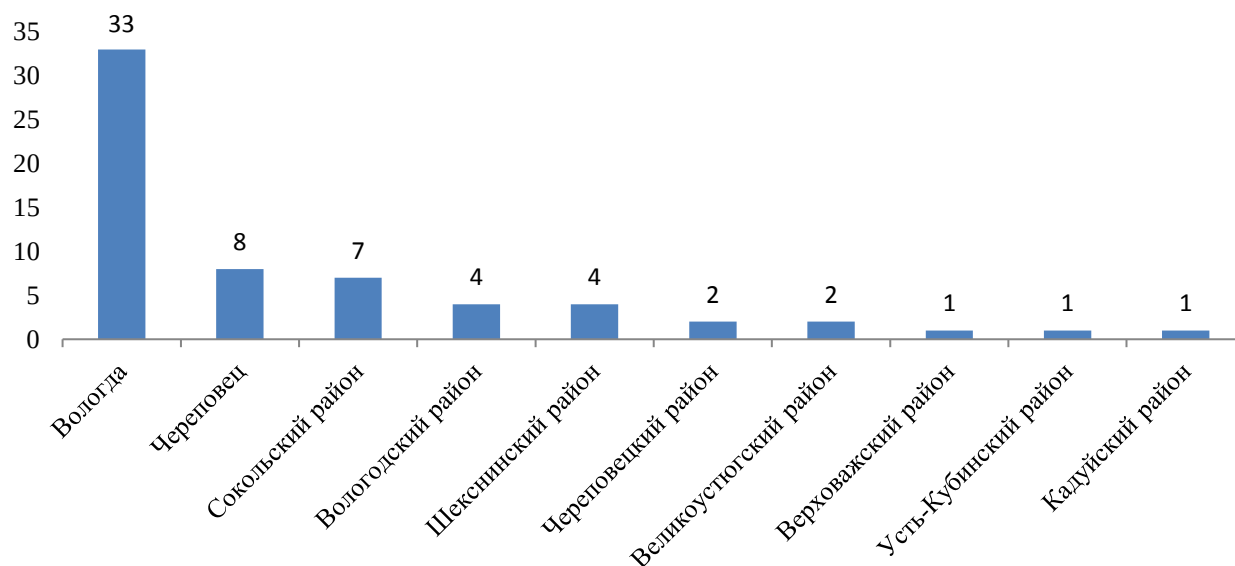


Рис. 2. Территориальная расположенность предприятий, участвующих в проектах производственной кооперации в 2017 г., ед.

Источник: составлено автором на основе мониторинга научно-технологической деятельности в Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

В кооперационном взаимодействии в большей степени заинтересованы представители малого бизнеса (рис. 3). Их участие в проектах производственной кооперации позволяет встраиваться в действующие и формируемые технологические цепи, тем самым снижая зависимость от уровня цен на сырье, материалов и других издержек производства.

Также выявлено, что более половины опрошенных малых предприятий являются производителями сырья, промежуточных товаров и комплектующих для крупного бизнеса (рис. 4). Это связано, прежде всего, с проведенной региональными органами власти и управления системной работой по выводу малых и средних компаний на закупки у крупных предприятий. В регионе с 2014 г. реализуется проект «Синергия роста», в основу которого заложено объединение крупных, средних и малых субъектов экономической деятельности с целью расширения кооперационных связей и обеспечения синергетического эффекта от их сотрудничества [6].

Данный проект ориентирован на создание новых высокопроизводительных рабочих мест, обеспечение устойчивого поступления платежей в бюджет, увеличение числа представителей малого и среднего бизнеса, рост объемов высокотехнологичной и наукоемкой продукции, внедрение новейших разработок в производственный цикл и увеличение объемов промышленного производства на территории региона. В 2016 г.,

путем поиска новых направлений бизнес-кооперации, объем закупок составил 12,5 млрд руб. [7].

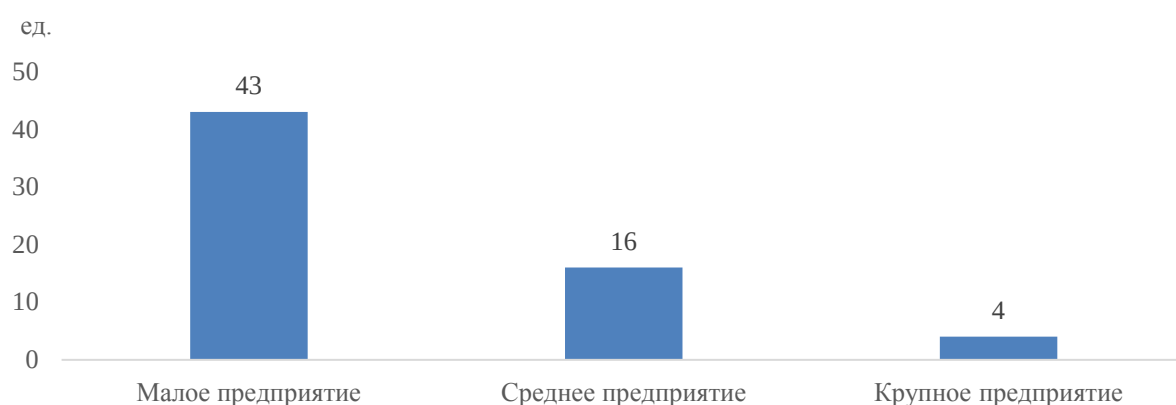


Рис. 3. Категории бизнеса Вологодской области, участвующие в проектах производственной кооперации в 2017 г., ед.

Источник: составлено автором на основе мониторинга научно-технологической деятельности в Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

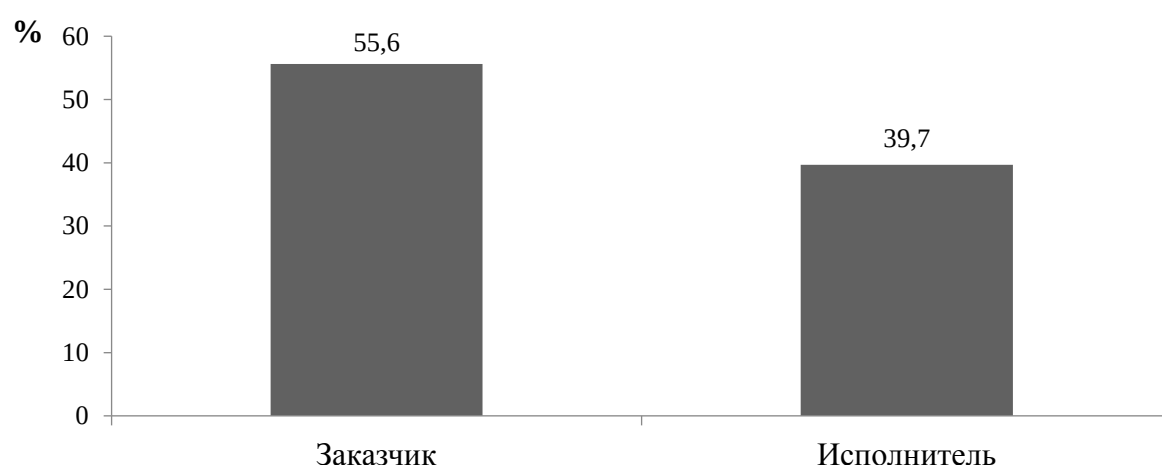


Рис. 4. Производство малыми предприятиями Вологодской области сырья, промежуточных и комплектующих деталей в 2017 г., %.

Источник: составлено автором на основе мониторинга научно-технологической деятельности в Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

Однако о реализуемых мерах государственной поддержки развития производственной кооперации в Вологодской области знает только половина опрошенных предприятий региона (рис. 4). Это свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии информативности промышленных предприятий, участвующих или планирующих принять участие в проектах производственной кооперации о существующих мерах поддержки кооперационного взаимодействия в регионе. С другой стороны, данная проблема указывает на невысокий уровень поддержки бизнеса в плане участия в проектах производственной кооперации. Поэтому необходимо проводить

целенаправленную политику по стимулированию кооперационного взаимодействия в регионе.

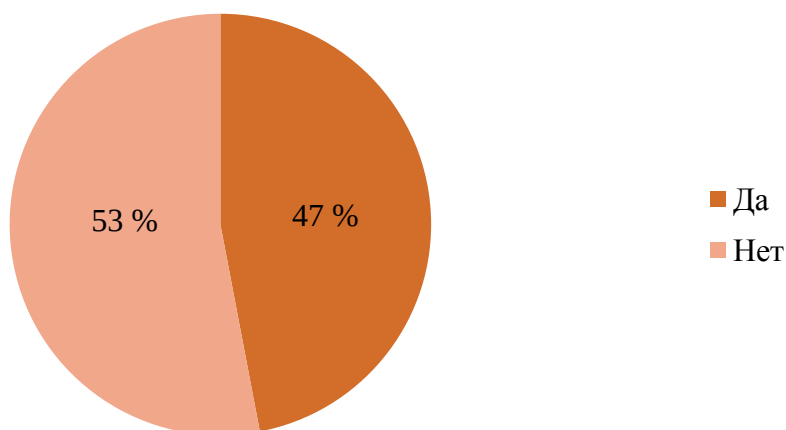


Рис. 4. Наличие знаний у представителей бизнеса о реализуемых мерах государственной поддержки развития производственной кооперации в Вологодской области, %.

Источник: составлено автором на основе мониторинга научно-технологической деятельности в Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

Для эффективного развития и улучшения текущего состояния производственной кооперации в Вологодской области, на наш взгляд, необходимо:

- усиление диверсификации отраслей промышленности за счет роста добавленной стоимости в сегменте приоритетных высокотехнологичных, среднетехнологичных и базовых отраслей;
- создание и развитие инфраструктуры поддержки сертификации продукции промышленных предприятий с целью возможности подтверждения качества продукции, необходимого для встраивания их в технологические цепочки добавленной стоимости;
- создание единой информационной базы предприятий области с целью поиска партнеров для производственной деятельности — поставщиков и заказчиков продукции промышленного назначения, комплектующих, производственных услуг;
- содействие в получении патентов, субсидий для разработки и внедрения НИОКР с целью создания продукции более высокого технологического уклада.

Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования, вносят вклад в развитие и систематизацию практической базы поднимаемой проблемы. Создание условий в части ориентации на совместную деятельность промышленных предприятий поспособствует увеличению проектов производственной кооперации и улучшению социально-экономического развития как региона, так и РФ. На основании этого на следующих этапах исследования планируется разработка инструментов по совершенствованию развития и текущего состояния производственной кооперации в регионе. Пути решения данных вопросов будут представлены в дальнейших публикациях.

Литература

1. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov35.ru/docs/download/>

2. О перспективах социально-экономического развития Вологодской области. Интервью с А. В. Кожевниковым // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 32-40. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.2.
3. Долженко Д. Е. Роль производственной кооперации в развитии экономики Вологодской области [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-proizvodstvennoy-kooperatsii-v-razvitii-ekonomiki-vologodskoy-oblasti>
4. Мазилев Е. А., Кремин А. Е. Проблемы и тенденции развития малого предпринимательства в Российской Федерации // Вопросы территориального развития. — 2016. — № 5. — № (35).
5. Кремин А. Е., Гулин К. А. Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 4. — С. 94–110. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.5
6. Сайт регионального центра поддержки предпринимательства Вологодской области [Электронный ресурс]. URL: <http://rcpp35.ru/projects/mezhregional-ny-j-sovet-po-kooperatsii/>
7. МК.RUVologda [Электронный ресурс]. URL: <http://vologda.mk.ru/articles/2017/10/14/vologodskaya-oblast-podelitsya-opytom-po-razvitiyu-bizneskorporacii.html/>
8. Поварова А. И. Регионы-металлургии: основные тенденции и проблемы социально-экономического развития // Проблемы развития территории. — 2015. — № 6 (80). — С. 37–50 [Электронный ресурс]. URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/1655>

STATE INDUSTRIAL COOPERATION IN VOLOGDA REGION

Kuznetsova E.P.

Research engineer, Vologda Research Center of the
Russian Academy of Sciences (VolSC RAS), Vologda

In article primary activities of the industrial enterprises of the region in which cooperation is carried out are considered. The territorial favor of the enterprises participating in projects of production cooperation is shown. The main directions in which cooperation of the industrial enterprises of the region is carried out are designated. In the conclusion the conclusion that the industrial enterprises of the Vologda region carry out projects of production cooperation, however the number of such interactions low is drawn. On the basis of the revealed problems connected with low interaction of the enterprises, the author offered the solutions directed to carrying out purposeful policy on stimulation of production cooperation in the region.

Keywords: *production cooperation, regional development, real sector of economy, directions of implementation of production cooperation.*

УДК 338.242

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10033

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Т. Г. Ибрагимов, М. Г. Якунина

В статье приведен сравнительный анализ малого бизнеса в России и за рубежом, а также рассмотрены налоговые системы малого предпринимательства в развитых государствах. Авторами были выявлены ключевые проблемы, тормозящие рост национального малого бизнеса, предложены пути их решения. Помимо уже введенных государством стимулов, предполагается использование методов, активно применяемых в зарубежных странах.

Ключевые слова: *малый бизнес, предпринимательство, налоговая система, государственная поддержка, предприятия, консультационные центры.*

В условиях высокой рыночной конкуренции, в том числе и между странами, необходимость развития и поддержки малого предпринимательства принимает особо острую форму. Это связано с тем, что развитие малого бизнеса (далее — МБ) положительно влияет не только на рост экономических показателей страны, но и на наполнение рынка товарами и услугами, создание новых рабочих мест, что, в свою очередь, ведет к повышению качества жизни.

Не секрет, что развитие малого бизнеса в России имеет более медленный темп, чем в других развитых странах. Передовые страны давно осознали важность поддержки предпринимательства для стабильного развития экономики. В соответствии со статистикой последних лет, в большинстве развитых стран предпринимательский сектор составляет от 70% до 90% от всего числа предприятий.

Успешный пример других стран подтверждает необходимость смещения акцентов в сторону эффективного развития малого предпринимательства с целью повышения экономического благосостояния страны и снижения влияния действующих санкций на российский рынок.

В настоящее время в России уже заметен прогресс в области политической поддержки предпринимательства. Но, несмотря на повышение числа предприятий малого бизнеса в большинстве секторов экономики, общая доля таких предприятий составляет небольшой процент в сравнении с крупным бизнесом.

Для начала необходимо уточнить, что с 1 января 2008 г. вступил в силу Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ».

Ибрагимов Тимур Газанфарович, Якунина Маргарита Геннадьевна — магистранты, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

Согласно данному закону, малые и средние предприятия — это внесенные в Единый государственный реестр юридических лиц потребительские кооперативы и коммерческие организации, а также физические лица, внесенные в Единый госреестр индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, крестьянские (фермерские) хозяйства, соответствующие условиям, перечисленным в Федеральном законе.

В законе определено три критерия для отнесения предприятий к малому или среднему бизнесу: состав учредителей, объем выручки и численный состав сотрудников. Таким образом, к МБ относят предприятия, которые имеют [4]:

- Численность работников от 16 до 100 человек;
- Доходы за год, не превышающие 800 млн руб.;
- Суммарную долю участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов в уставном капитале не более 25%.

В настоящий момент, в соответствии с данными Росстата, доля малого и среднего бизнеса в ВВП страны составляет всего 20%, а число малых и средних предприятий на территории России составляет до 5,5 млн [8].

В соответствии со статистикой, в 2017 г. было открыто около 7 тысяч ИП, а закрыто 9,1 тыс. Это связано, прежде всего, с политическими конфликтами, в которые была втянута страна, а также снижением курса рубля.

Основной проблемой, тормозящей развитие малого бизнеса в России в настоящее время, можно считать экономическую ситуацию в стране, вызванную введением против России санкций, снижением курса рубля и последовавшим за ними снижением покупательской способности населения.

Нельзя сказать, что государство совсем не поддерживает малый бизнес. За последние несколько лет в несколько раз был увеличен порог оборота для выделения малых и средних предприятий. Правительство также ввело двухлетние налоговые каникулы для новых предприятий в сфере услуг, научной и социальной сфере, а также промышленным предприятиям. Властями была создана квота в 18% для малого бизнеса для закупок государственных компаний и создана Федеральная корпорация по развитию малого и среднего бизнеса.

Но главная составляющая, которая необходима для стимулирования скорейшего роста числа малых предприятий, а именно финансовая поддержка малых и средних предприятий, только сокращается.

Важно понимать, что для толчка малого бизнеса необходимы крупные денежные вливания в этот сектор, которые обеспечат поддержку не каким-то отдельным предприятиям в крупных городах, а дадут поддержку целым регионам.

Первый шаг, на который необходимо решиться государству для поднятия уровня предпринимательства в стране, — это сокращение числа крупных государственных предприятий. Несмотря на действующую квоту и официально предъявленные данные об увеличении числа государственных закупок у малого предпринимательства, за 2017г. их реальное число намного уменьшилось. Об этом говорят выявленные нарушения в процессе признания компаний малыми предприятиями из-за обнаружения «дочерних» связей с крупными компаниями.

Следующим важным шагом является повышение доступности капитала. Государство взялось за решение этой проблемы, разработав ряд программ, предоставляющих малому бизнесу поручительство, и стимулирование их кредитования банками по льготным процентным ставкам. Но этого все равно недостаточно для того, чтобы начать бизнес без крупного финансового риска.

Еще одной немаловажной проблемой поддержки малого бизнеса государством является его слабая нормативно-правовая база, которая содержит много неоднозначных формулировок и пробелов и часто не стыкуется с другими законодательными и нормативными документами.

Для подтверждения этих предположений необходимо рассмотреть ситуацию, которая складывается с МБ за рубежом, и в последующем проанализировать подходы к малому бизнесу в России и в ряде других развитых стран для выявления перспектив и тенденций развития в данном секторе.

Уровень развития малого бизнеса в странах Европы демонстрирует ту важную роль, которую он играет для экономики любой страны в целом. В первую очередь, развитые европейские страны обращают внимание на то, что предпринимательство повышает уровень инновационного развития не только в мелком, но и крупном бизнесе, так как оно стимулирует конкуренцию и создает высокие барьеры на рынке.

В Европе давно существует отлаженная система развития и поддержки малого предпринимательства. В первую очередь, в этих странах сильно упрощены процедуры открытия малого бизнеса и сама правовая база. Они создают специальные ассоциации, оказывающие помощь в принятии решений участникам МБ, и привлекают к его поддержке различные гос. органы и министерства.

В последнее время в странах Европы широко развивается онлайн-поддержка предпринимателей, где любой из них может в короткие сроки получить необходимую информацию о современных технологиях, предназначенных для повышения эффективности бизнеса, получить консультацию по текущим вопросам и даже найти инвесторов для своего дела.

Таким образом, основными тенденциями развития малого бизнеса в ЕС являются: поддержание баланса государственных интересов и интересов малого бизнеса, внедрение программ лояльности налоговой системы для владельцев МБ, упрощение законодательной базы и формирование взаимовыгодных контактов с другими странами.

Малый бизнес в США имеет ряд отличий от МБ в России и странах Европы. Во-первых, в малом бизнесе задействованы почти 60% всего трудоспособного населения. Во-вторых, в США доход предприятия от первоначального капитала в тысячу долларов до нескольких миллионов может увеличиться всего за несколько лет. В-третьих, сам по себе малый бизнес в Штатах отличается своими размерами от малого бизнеса в любой другой стране: предприятия некоторых отраслей могут иметь до 1500 сотрудников и доход от 6 до 20 млн долл.

Основной причиной такого широкого развития предпринимательства является установленный в стране принцип поддержки малого и среднего бизнеса. Он заключается в том, что интересы малого бизнеса защищаются со стороны правительства, а также уже почти 70 лет у них существует Администрация по делам малого бизнеса, у которой есть

представительства в каждом штате. Так, в отличие от России, поддержка осуществляется повсеместно, а не только в крупнейших производственных регионах.

Главный закон, определяющий отношение к малому бизнесу в США, обязует предоставлять предпринимателям безграничный доступ к необходимым ресурсам для бизнеса, а также оказывать им финансовую и консультационную помощь. Но, что важнее всего, он предписывает необходимость отдавать не менее 23% всех государственных заказов в руки малого бизнеса.

В стране насчитывается огромное количество консультационных центров и пунктов помощи МБ, которые осуществляют его поддержку в области внедрения инноваций, обучение персонала, а также предоставляют необходимую защиту владельцам малого бизнеса.

Важно отметить, что политика США направлена не только на финансовую поддержку МБ, но и на его развитие с точки зрения повышения грамотности населения в вопросах ведения бизнеса. Центры консультации в регионах предоставляют возможность обучения предпринимательству, оказывают помощь в составлении бизнес-планов и поиске источников финансирования. В случае наступления стадии упадка бизнеса каждый предприниматель может получить помощь в решении этой проблемы, ему окажут поддержку и помогут избежать банкротства.

Главной особенностью политической поддержки МБ в США являются программы по развитию инновационных проектов. Именно эта сфера оказывает огромное влияние на конкурентоспособность национальной экономики, поэтому поддержка изобретательства, патентования, внедрения в производство новинок — главная линия политики США на сегодняшний день. Помимо принятия закона о развитии инноваций в малом бизнесе, на проведение инновационных исследований предпринимателями выделяется определенный процент от всего фонда на НИОКР. Эффективность этой программы подтверждает высокий процент патентов, выданных на сотрудников МБ.

Можно сделать вывод, что Россия имеет сложности с ростом числа малых предприятий и увеличением их доли в общем ВВП страны. Также существуют проблемы с финансовой и консультационной поддержкой предпринимательства. Необходимо отметить и слабую законодательную базу.

В рассмотрении нуждается еще такой немаловажный фактор, как налоговая политика разных государств, так как именно налогообложение является ключевым обстоятельством, оказывающим влияние на развитие предпринимательства в стране. Несмотря на то, что налоги в России ниже, чем в большинстве развитых стран, и наша страна также предлагает особые условия для предпринимателей, уровень МБ в России все равно остается низким. Создание благоприятной среды для развития малого бизнеса — определяющая цель большинства крупных государств. Как правило, в рассматриваемых странах используются следующие виды налогообложения предприятий малого бизнеса:

- налоговые льготы по налогу на прибыль;
- использование особых налоговых режимов.

Особая система налогообложения действует в Великобритании, где предприятия малого бизнеса имеют возможность применения ускоренной амортизации, т. е.

стоимость инновационного оборудования списывается в первый год его использования, что дает возможность увеличивать собственные внутренние инвестиции предприятия.

Во Франции используются специальные налоговые режимы, на основании которых применяются упрощенные и вмененные налоги, а их налоговая система предполагает использование упрощенного налогового режима декларирования прибыли. Помимо этого, новые предприятия освобождаются от уплаты налогов в течение первых двух лет. Особую поддержку правительство Франции оказывает тем, кто планирует открыть малый бизнес в экономически отстающих районах. Для них действуют специальные скидки, а также они освобождаются от уплаты налогов в социальные фонды [5].

Но, конечно, главным пунктом поддержки малого бизнеса в любой стране является снижение налога на прибыль для малых предприятия. В то время, как в России действует единая ставка по налогу на прибыль для всех видов организаций — 20 %, другие страны снижают ставку налогов для предприятий малого бизнеса [1].

Таким образом, принятая в большинстве стран прогрессивная шкала налогообложения оказывает положительное влияние на развитие малого бизнеса, так как дает новым предприятиям возможность на первоначальном этапе платить минимальные налоги. Например, в США используются более низкие процентные ставки для подоходного налога в зависимости от размера налогооблагаемой прибыли (ставка может варьироваться от 15% до 25 %). А также владельцы малого бизнеса могут приобретать лицензии на занятие определенным видом деятельности, ее стоимость заменяет все другие налоги и сборы.

В России же существует возможность перехода на упрощенную систему налогообложения, но, как правило, при переходе на нее компания претерпевает много издержек и теряет партнеров из-за сложностей, связанных с уплатой налога на добавленную стоимость. А также не все организации и индивидуальные предприниматели имеют право применять эту упрощенную систему налогообложения [6].

Также стоит отметить, что с 1 января 2019 г. налог на добавленную стоимость был увеличен с 18% до 20%. Это повышение негативно скажется на малом и среднем бизнесе, так как увеличение налога на 2% приведет к росту цен примерно на 10%, в связи с этим еще больше понизится экономическая активность, а обороты упадут из-за понижения покупательского спроса. И еще большее количество малого бизнеса уйдет в «теневую экономику», потому что рыночная конкуренция неизбежна [10].

Таким образом, можно выделить ряд ключевых проблем, которые мешают широкому развитию предпринимательства в нашей стране:

1. Сложная структура налогообложения (различные налоги, отчисления, акцизы и сборы, которые сложно рассчитать простому предпринимателю);
2. Нестабильность налоговой системы;
3. Отсутствие эффективных механизмов поддержки малого предпринимательства:

- отсутствие центров консультирования предпринимателей и подготовки профессиональных навыков для бизнесменов;
- отсутствие гибкой системы льготного кредитования для владельцев бизнеса;

- неэффективность действующей налоговой системы для стимулирования роста сектора малого бизнеса.

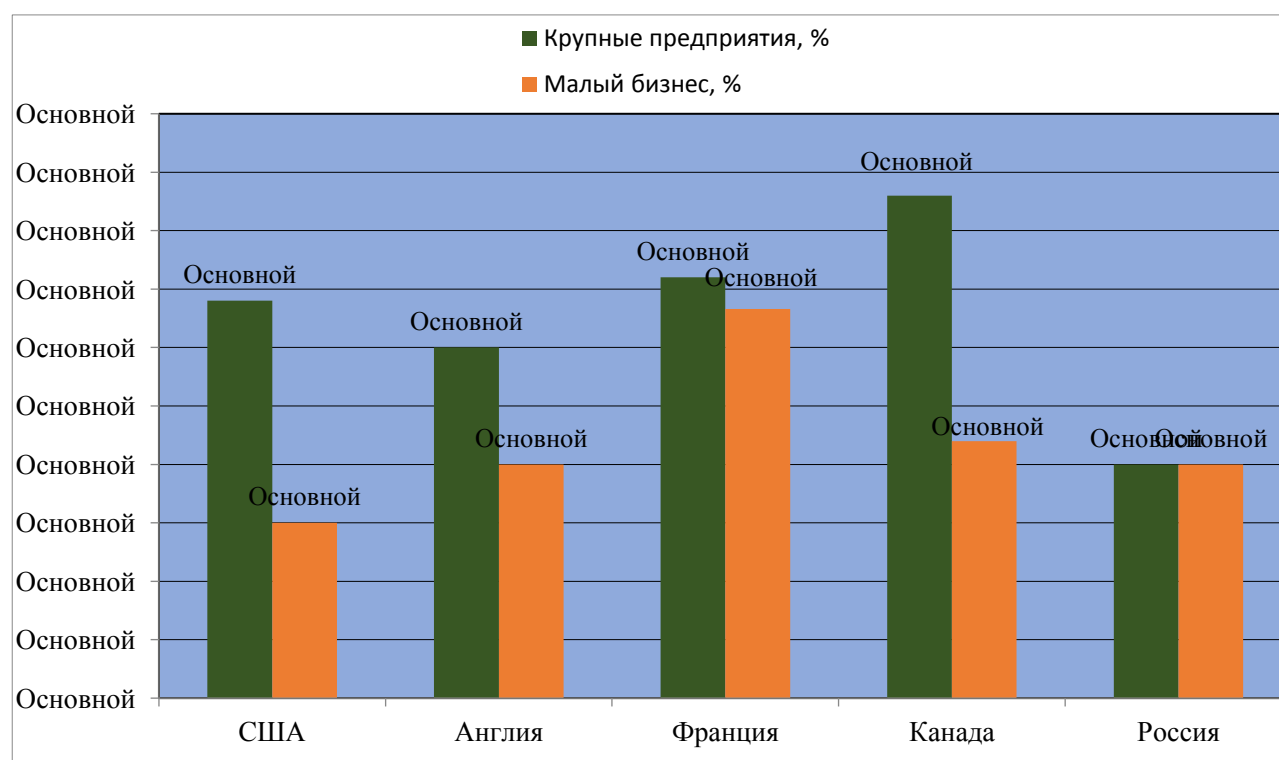


Рис. 1. Сравнительный анализ ставок налога на прибыль для малых и крупных предприятий в России и за рубежом.

Источник: составлено по [9].

Несмотря на действующий спектр проблем, государство стремится реализовать новые, более эффективные программы по поддержке малого бизнеса в ближайшие несколько лет. Вскоре ожидаются следующие поправки, которые призваны стимулировать рост малого бизнеса в стране:

- Неэффективно используемое государственное имущество начнут сдавать малому бизнесу по льготной цене, а также ему позволят арендовать недвижимость на льготных условиях. При этом объем имущества, предназначенного для сдачи в аренду малому бизнесу, к 2024 г. будет увеличен не менее, чем на 25%.
- 1 января 2019 г. вступает в силу Федеральный закон, который позволяет страховать банковские вклады/счета малого бизнеса — юридические лица — малые предприятия, которые внесены в соответствующий реестр. В случае проблем с банком, малые предприятия получают обратно часть денег, размещенных на их счетах и вкладах. Раньше это касалось только индивидуальных предпринимателей [3].
- К 2020 г. доля закупок крупнейших заказчиков, участником которых является малый бизнес, будет повышена с 15% до 18%. А также с 1 февраля 2019 г. на закупки у малого бизнеса распространят механизмы факторинга, т. е. деньги за поставленные товары малый бизнес сможет получать не от заказчика, а от банка, который финансирует закупки.

- К 2024 г. будет реализована программа «Расширение использования франшиз в секторе МСП». В рамках программы предполагается выдача малому бизнесу льготных микрозаймов на покупку франшизы. А также к 1 июня 2022 г. стоимость лизинга для субъектов МСП будет снижена до средней ставки на уровне не более 8%.

- С 1 сентября 2019 г. будут введены штрафы за осуществление деятельности без получения статуса самозанятого. Самозанятых отнесут к субъектам малого предпринимательства с предоставлением соответствующих льгот и преференций. Вместо налогов и страховых взносов они будут уплачивать единый платеж. Размер платежа составит 4% с годовой выручки [2].

Данные изменения лишь ненамного повысят число новых точек малого бизнеса в стране, т. к. налоговая система продолжает ущемлять малый бизнес высокими ставками налога, а сама законодательная база становится все сложнее. Эти факторы заставляют предпринимателей уходить в «теневую экономику» и скрываться от налоговых выплат, что в дальнейшем приводит их к банкротству. Одним из главных решений этих проблем является внедрение государством прозрачной и лояльной налоговой системы для владельцев МБ, а также внедрение эффективных стимулов для развития партнерства между крупным и малым бизнесом.

Также важнейшим направлением, которое необходимо развивать в ближайшие годы, является создание консультационных центров поддержки и обучения предпринимателей. Повышение предпринимательской грамотности среди граждан РФ просто необходимо для подъема малого бизнеса. Если в ближайшем будущем государство сделает акцент на обучение и поддержку владельцев малого бизнеса, а также введет гибкую и понятную систему налогообложения МБ, ситуация в стране начнет меняться. Только в этом случае мы сможем претендовать на уровень вовлеченности населения в малый бизнес, сопоставимый с уровнем других стран.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 25.12.2018).
2. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 г. N 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" (ред. от 27.12.2018).
3. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (ред. от 03.08.2018 N 322-ФЗ).
4. Гурьянов П.А. Критерии определения размеров малого и среднего бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. — 2011. — № 10 (10). — С. 3–12.
5. Леликова Н.А., Конвисарова Е.В. Зарубежный опыт налогообложения малого бизнеса // Успехи современного естествознания. — 2014. — № 12-2. — С. 127–129.
6. Лермонтов Ю.М. Проблемы исчисления и уплаты единого налога при УСН и ЕНВД. // Аудитор. — 2015. — № 11. — С. 41.
7. ТАСС: Информационное агентство России [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/>

8. Росстат: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

9. Митрофанова И. А., Эрентраут А. А. Налогообложение малого предпринимательства в России и за рубежом: реалии и прогнозы // Молодой ученый. — 2012. — №1. Т.1. — С. 130–135.

10. Землякова А. В., Повышение налога на добавленную стоимость // Научный вестник ЮИМ. — 2018. — № 2. — С. 31–36.

TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF FOREIGN EXPERIENCE

Ibragimov T.G., Yakunina M.G.,
Southern Federal University, Rostov-on-Don

In article the comparative analysis of small business is given in Russia and abroad and also the tax systems of small business in the developed states are considered. Authors revealed the key problems which are slowing down growth of national small business, ways of their solution are proposed. Besides the incentives which are already entered by the state, use of the methods which are actively applied in foreign countries is supposed.

Keywords: *small business, entrepreneurship, tax system, government support, enterprises, consulting centers.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURIDICAL SCIENCES

УДК 34.096

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10034

**К ВОПРОСУ ТРАДИЦИОННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА КАК
МЕХАНИЗМУ СОХРАНЕНИЯ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА
(ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)****В. А. Середнев**

В статье рассматривается идея создания (реставрация) отечественного права вообще и уголовно-процессуального в частности, отличного от западных либеральных архетипов права, которыми в настоящее время пронизана правовая система России. По мнению автора, право должно являться продуктом культуры народа, его традиций, обычаев, ценностных ориентаций и морально-нравственного понимания при регулировании общественных отношений. Автор проводит анализ западно-либеральной идеологии, в частности, религии западного мира «права человека», и показывает, что они имеют негативную тенденцию на российской почве, так как данная идеология лишает групповой идентичности русский народ, указывая ему, что он должен являться «гражданином мира». Поэтому автором делается вывод о том, что для сохранения идентичности русского народа (и других коренных народов России), Россия в вопросах как международной политики, так и права, должна руководствоваться только своим государственным интересом, а национальное законодательство должно ставиться выше (иметь высшую юридическую силу по отношению к международным договорам) различных международных договоров, чтобы противостоять западному миру.

Ключевые слова: право, уголовный процесс, народ, культура, запад, либерализм, Россия, традиция.

О сущности принятия либерального законодательства Россией

Российское право прошло длительный путь эволюции, «...подвергалось трансформации на основе собственного опыта и заимствованного опыта, передовых зарубежных стран (сегодня это именуется модным словосочетанием “с учетом европейских ценностей”²)» [19, С. 82]. Мы должны исходить из того (и, думаем, что с нами согласятся), что существует не одно общество (например, западное), а множество обществ, не одна культура, какого-либо народа, а множество культур. То, что российское законодательство подверглось трансформации в результате заимствования культуры

Середнев Владимир Анатольевич — преподаватель факультета экономики и права, кафедры права, философии и социальных дисциплин, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, г.Арзамас

² Кстати, ценностей, которые чужды русской культуре, русскому логосу.

Запада, образа жизни его, объясняется тем, что западная социология, являясь наукой, произошла раньше российской (русской) социологии. Но это не значит, что европейское **право** и европейский образ жизни универсален для всех народов. В связи с этой мыслью, очень значимо высказывание профессора А. Г. Дугина: «Никакая политкорректность и никакой мультикультурализм не могут изгнать из западного человека беса “культурного расизма” и освободить его от фанатичной убежденности в том, что именно его культура и именно его общество (теперь уже толерантное, демократическое и соблюдающее права человека) является образцовым, универсальным, единственно возможным и поэтому необходимым, а кто с этим не согласен, имеет все шансы попасть в ряды “изгоев”...» [6, С. 6]. Мы считаем, что область права, а тем более регулирование общественных отношений в области судопроизводства, как никакая другая область общественной жизни, указывает на национальные особенности того или иного народа. Поэтому любая утрата своего национального судопроизводства есть ни что иное, как утрата национальной идентичности. Например, нормы уголовного судопроизводства должны конструироваться в соответствии с представлением народа о таких феноменах, как нравственность, мораль, правда, справедливость.

Начиная с XVI в. в недрах Западной Европы начинается процесс планетарной модернизации. Ее цель — разрушение и уничтожение культурной основы других народов, развитие которых идет вопреки желанию западного мира, который по сути своей является колонизатором новых земель в мире, как правило, с традиционными и архаическими ценностями. Но заметим, что ряд народов сопротивлялся западной экспансии, но оказавшись слабее (и в физическом смысле, и посредством обмана), в результате, против своей воли, оказались в плену колониальной идеологии Запада, с новыми и чуждыми для покоренных народов порядками, традициями, обычаями, культурными ценностями, не говоря уже о праве, возведенном в закон. Но были такие общества, которые пошли «хитрым» путем, они не сопротивлялись навязыванию западной культуры. К такому обществу можно отнести и российское общество. Проще говоря, во всех обществах, которые подверглись навязанной извне (экзогенной) модернизации, выделяют общества, которые пытаются сохранить экономическую независимость (и это общество имеет дело с так называемой «оборонительной модернизацией») и общества, которые совершенно утратили способность сопротивляться западной либеральной идеологии. Здесь «... в центре внимания оказывается баланс между ценностями, свойственными традиционному обществу, подлежащими сохранению для поддержания идентичности, и теми заимствованными моделями и системами, которые необходимо импортировать с Запада для создания предпосылок и условий для частичной (оборонительной) модернизации..., чтобы отстоять свои интересы перед лицом натиска Запада, страна (общество) вынуждена заимствовать некоторые западные ценности, но сочетать их с ценностями самобытными» [6, С. 111]. Поэтому современная Россия либерального, *археомодернистского* толка, являясь обществом «оборонительной модернизации», имеет в себе как элементы западной культуры (кстати, в подавляющем своем большинстве), так и элементы традиционного, консервативного общества, которые якобы противостоят моделям западного «универсального» и «прогрессивного» общества [6, С. 112]. И это у России, как мы видим, пока, к сожалению, не совсем получается, а именно в этих соотношениях

«своего» и «чужого» заключается главное, то, что составляет содержание между либерально-западным миром и современной Россией. Именно по этой причине в современном российском праве, (например, в уголовном процессе) в содержащихся нормах преобладает некая неопределенность в толковании процессуальных норм, которые порою выглядят двусмысленно, а это связано с совмещением «своего» и «чужого».

Традиционное общество должно оказывать всяческое сопротивление либеральному западному мировоззрению, так как русский человек в своей традиции «предполагает необходимость для каждого члена социума так или иначе признать факт служения всего суперэтнуса под эгидой определенной сверхценности» [5, С. 10]. В связи с этим следует отметить, что вредоносно для русского человека как носителя культуры своего народа, на наш взгляд, — это декларация примата морали, когда она не совпадает с истиной, т. е. завышение ценности правил поведения, порожденных определенной идеологией (как правило западно-либерального воззрения), над сущностью природы человека. Поэтому такой человек, еще и имеющий знаний больше, чем ума (ум следует рассматривать как способность делать самостоятельные умозаключения и выводы из анализа полученной информации, хотя в данной информации на сделанные выводы, даже не было на первый взгляд никакого прямого намека), а сведений больше, чем знаний, в результате чего его амбиции начинают представлять слишком завышенные требования, называется интеллигент (не путать с интеллектуалом). По своему внутреннему содержанию, интеллигент имеет большое желание унифицировать все человечество, лишит его групповой идентичности, поскольку является гражданином мира, и соответственно нужно делать выбор между тем, чтобы быть русским или быть интеллигентом, одно исключает другое [5, С. 15]. То есть у русского народа есть традиционное мировоззрение (традиция), хотя на Западе есть традиции (не путать «традицию» и «традиции», понятия не тождественны), которые, по сути, просто напросто совокупность обычаев, привычек, навыков, принятых правил поведения в той или иной местности. Традиция — это тактика и стратегия выживания в культурном комплексе народа. «“Запад”- мир вырождения и упадка, декадентский “современный мир”, как резкое катастрофическое отклонение от норм и принципов Традиции, а “Восток”- мир Традиции и верности принципам, полноценная реальность, сохранившая связь с изначальным миром “золотого века”» [2, С. 7; 6]. В контексте понятия «нации» нам могут возразить оппоненты — противники «традиции», выстраивая свои взгляды на исследовании общедоступной литературы, скорее всего «подкинутой» западными идеологами для изучения отечественными политиками, социологами, заявив следующее : «Нация, безусловно, неразрывно связана с этничностью, поскольку черпает в примордеальности мифы о происхождении, божественном предназначении, общей истории и кровном родстве, но ее статус не онтологический, а в большей степени эпистемологический» [3, С. 22]. Никогда нация не была «безусловно», т. е. напрямую, связана с этничностью, поскольку *этнос — это право выбора человека*, именно поэтому ни о каком «кровном родстве» (родстве по крови) речи быть не может [14, С. 15–23]. Народ состоит из слияния двух или более этносов, а нация по своей сути является политизированным народом.

Идея прогресса права как обоснование колонизации

Рассматривая в историческом аспекте западное общество, мы заметили, что повсюду, где европейцы осознают, что имеют дело с неприятием «западной» культуры и попытками сохранения определенными обществами своей культуры и уклада жизни, «Европа» ставит диагноз: «дикость», «отсталость», «варварство». При этом пытаюсь навязать религию «права человека», «атакую» при этом идеологию «прав гражданина», других государств, рассматривая население в отрыве от законодательства государства, к которому оно принадлежит [18].

«Западники со времен Петра навязывали русским совершенно чуждые формы культуры и мышления, чужеродный и невнятный народу логос, который он не понимает, который ему не нужен и который, тем не менее, ему все продолжают и продолжают навязывать, не оставляя русских в покое третье столетие...» [6, С. 280]. Мы уверены, что русский человек в условиях не своей культуры, т. е. не своих духовных и материальных ценностей, начинает деградировать. Но злобный, аморальный и деструктивный дискурс либералов-западников на протяжении многих лет остается постоянно примерно одинаковым: «Русский народ темен и полон архаических предрассудков. Он есть воплощение варварства, дикости и хаоса, и его природа мешает нам построить эффективнее современное общество, чтобы в нем этому же народу было уютно и комфортно — “темно”, как в “цивилизованном мире”, как в Европе. Если бы нам удалось выбить из него его “дурь”, все бы стало на место; а так он умудряется любую модернизацию превратить в балаган и уродство. Сколько реформаторы, начиная с Петра, не старались европеизировать русского человека, он, как волк, все в лес смотрит. Проклятый русский народ!» [6, С. 280–281].

Матрицей, архетипом русского общества является православие, хотя «религия не обязательно предполагает веру в Бога, богов или духов, но означает опыт священного и, следовательно, связана с идеями существования, значения и истины... В некотором смысле даже можно утверждать, что и у тех наших современников, которые объявляют себя неверующими, религия и мифология “скрыты” в глубине подсознания...» [23, С. 130]. Тем более необходимо четко разграничить понятия религиозность и религия. Религиозность связана с различным культом богослужения, заучиванием молитв, механическим соблюдением различных церковных традиций и обрядов, непониманием трансцендентной сущности Бога. Религия же предполагает обращение не только во внутрь себя, но и к вечному возвращению, к своим корням, к своим предкам, своим национальным традициям, а также является связующим звеном человека с невидимым ему миром. «Рациональная сторона религии — это всегда открытие, откровение, открывание... Религия благовествует, рассказывает, повествует...» [6, С. 300].

Древние философы всегда думали над вопросом «из чего все?», в широком смысле их интересовал вопрос происхождения мира. Такой философ, как Гераклит, указывал, что мир произошел из огня, а Фалес — что из воды. Древний же грек и философ Ксенофан предложил свою гипотезу происхождения мира: он считал, что все произошло из земли. При этом Ксенофан считал, что в каждой стране своя земля, отличная от других стран, а значит и вода, и воздух, и огонь, и все остальное на этой земле разное и отличается от других стран и народов [7]. Поэтому считая данную идею рациональной, можно сказать, что существует не только русская вода, русский воздух или даже русская

земля, но и существует самостоятельное, самобытное русское право. И это несмотря на то, что сегодня «... на свой “модернистский” характер, новые идеологии и политические практики постоянно апеллируют к истории. Само по себе прошлое стало универсальным началом, которое силами как профессиональных ученых, так и откровенных дилетантов, наполняется тем смыслом, который соответствует той или иной идентичности. Не стал исключением и исламский радикализм, который, безусловно, не является однородным, но имеет статус транснационального актора и способен существенно влиять на обеспечение региональной безопасности, а также на расстановку сил в ряде регионов мира. Вызывает особый интерес и то обстоятельство, что радикальный ислам в условиях процесса глобализации обрел свою идентичность, частью которого стала русофобия» [22, С. 257].

К идее русского права

Каким же образом, на наш взгляд, русский уклад и образ жизни должен альтернативно противопоставить Западу в аспекте предполагаемого либерально-западного «права»? История России, или даже Древней Руси, предполагала такое понятие как «тягловое государство», где обязанности имели преобладание, доминирующую роль над правами. И только обязанности в традиционной русской топике, должны рассматриваться как механизм реализации прав (только выполняя обязанности можно реализовать право). Это обуславливается тем, что в традиционном русском обществе индивидуум рассматривается всего лишь как часть целого народа, нации, государства (в отличие от либеральной идеологии, где индивидуум выше общества). То есть можно констатировать, что в действительности мы имеем дело с двумя формами теории права. В первой теории имеем договорное либеральное сообщество, которое формирует связи частного и соотношение индивидуумов (неделимых) между собой. В понятии западной идеологии выражением такой теории является институт «прав и свобод человека» и, соответственно, «правовое государство». Более того, институт «прав и свобод человека» стремится от государства к иной форме гражданско-политической ассоциации, более всего к мондиализму, т. е. к «мировому правительству» (не путать с глобализацией, которая основана на экономической сфере деятельности). Вторая теория имеет дело не с индивидуумами, а с личностью, которая по своей сути понимается как социальное явление, состоящее из набора ролей и статусов, что помогает обладать коллективной индивидуальностью в бытие.

История и современность отечественного права

Действующему сегодня уголовно-процессуальному законодательству (уголовно-процессуальному кодексу, далее — УПК) предшествовали три УПК РСФСР (1922, 1923, 1960 г.). Всем вышеназванным УПК предшествовал Устав уголовного судопроизводства 1864 года. В основу УСС 1864 г. был положен (а скорее всего, навязан через западных «азефов») не столько собственный исторический опыт русского народа, сколько имеющийся опыт стран Западной Европы, таких как Германия, Англия, Франция. Российские процессуалисты того времени отмечали, что «в ходе судебной реформы произошел общий подъем юридической мысли» [20, С. 44]. Современный уголовный процесс России является прозападным, с либерально-западными установками, и даже в

современной литературе указывается, что «за несколько десятилетий после отмены крепостного права и проведения Судебной реформы 1864 г. российская правовая наука и правовая культура совершила невиданный скачок в своем развитии...» [19, С. 95]. Преобразования, имевшие место в судебно-правовых отношениях в России во второй половине XIX века, принято на конформистском поприще именовать Великой судебной реформой. И в чем же ее величие? В принятии западно-либеральной мысли, а конкретно протестантского воззрения на мир, используя идеи И.Канта и Г.Гегеля [15, С. 46-56], которые являются чуждыми русскому пониманию мира. Основные противоречия состоят в том, что западная мысль отдает предпочтение «форме», в том числе уголовно-процессуальной, а русская — «содержанию». Поэтому, зная русских людей, можно с уверенностью заявлять, что «для русского духа характерна вера в содержание (в сущность), а не в форму, содержание всегда первостепенно, а форма вторична» [15, С. 46–56].

Пришедшие к власти в 1917 г. большевики подменили «истинное право» классовым подходом и революционным правосознанием и, не имея в первые годы нахождения у власти процессуально-правовых воззрений, научных концепций в области судопроизводства и уголовного права [9, С. 28], они «подмяли под себя» старую правовую систему, взамен, по сути, не предложив ничего нового, кроме квазиправового регулирования. «Отрицая роль права в государстве, подменяя право ведомственными административными актами, на основе которых принимались юридически значимые решения, большевики закладывали “юриспруденцию террора”, которая окончательно сложилась после 1917 г. и стала последующем основой жестоких преследований широких масс населения страны» [10, С. 4–5].

Говоря о сегодняшнем, например, российском уголовном процессе, следует отметить, что он является «калькой» западного мировоззрения, основным признаком либеральной идеологии в нем — атеистическая религия западного мира — «права и свободы человека», которые, как мы указывали ранее, имеют негативный характер на российской почве [16, С. 45–54], [18]. Одним из характерных феноменов является то, что в западной парадигме приоритет отдается индивидууму, а не общественным интересам, морально этическим принципам не придается значение регулятора общественных отношений в области судопроизводства. Это одна из причин, по которой в российском уголовном процессе отсутствуют принципы нравственности, и в отечественном судопроизводстве приоритет отдается индивидууму, а не обществу.

Подчеркивая мысль, что у русского человека, в отличие от западного, в контексте «форма» — «содержание», совсем иные эстетические предпочтения (в жизни вообще, в уголовном судопроизводстве — в частности), основываясь на которых он и придает большее значение «содержанию», можно обратить внимание на русскую иконопись, где имеется двухмерное изображение без перспективы и теней. Данное двухмерное изображение в иконописи «сохранялось как обязательное вплоть до XVII в. После этого получило распространение «фряжское» (немецкое) письмо с перспективной и элементами профанной живописи европейского стиля» [6, С. 195]. Уже из этого становится понятным, что русские мало придают значение формам, именно поэтому в традиционном русском искусстве практически нет скульптурных ансамблей, а практически все российские скульпторы этнически не русские. «Русские мыслят

плоскостью. Русское искусство плоскостное и не отбрасывающее тени. Это искусство широкое...» [6, С. 196].

В толковом словаре С.И.Ожегова понятие «форма» толкуется как «внешний вид, видимость. Удобная форма для прикрытия чего-нибудь» [13, 1280]. То есть, на наш взгляд, как нечто противоречащее содержанию. Понятие «форма» близко по своему значению к понятию «формализм», а для русского человека «формализм» всегда ассоциируется с соблюдением чего-то «показушного» в ущерб существенному, содержательному [17, С. 76].

Концептуальная сущность русского права

«С тех пор, как русские люди соприкоснулись с западным просвещением и стали искать жизненной правды, шествуя по западным путям, они забыли об идеале личного совершенствования, исповедуемом лучшими людьми старой, Православной России» [2, С. 293]. Действительно, если взглянуть на ту, выражаясь языком Н. Н. Алексеева, «старую» Россию, когда она была религиозна, то в ней можно увидеть, что начала социального и политического строя в ней имели религиозно-нравственную окраску. Нет другого государства, кроме России, где на духовном начале нравственного созидания, страстного искания правды, подкрепленного обостренным чувством справедливости, может строиться право. «Так как русский человек природой наделен душой глубоко-чувствующей и страстной, то искание общественной правды приобрело у него форму как особой чисто общественной религии — религии общественного идеала... » [2, С. 293]. Нравственность должна быть возведена в праве в принцип, который должен иметь место в законодательстве как один из механизмов регулирования правовой деятельности. Конечно, нам нужно выяснить природу нравственных категорий, таких как «добро» и «зло», «честь», «долг», «совесть», для дифференциации права и морали от нравственности. Ибо «...Мораль есть точная копия права» [11, С. 9].

Попав в «плен» и зависимость от Западной либеральной идеологии, при этом не выработали своего содержательного правового аспекта. «В жизни нашей получилось поразжающее несоответствие между юридической формой и бытом: усвоив западную юридическую форму, мы, однако, не выработали соответствующей ей техники; в то же время, не вполне отрешившись от своих собственных форм, мы теряли постепенно все то положительное, что им было свойственно» [2, С. 167]. Русский человек не только не должен приобщаться к чуждой ему культуре западной мысли, он просто и не умеет использовать «западную мысль» в своей правоохранительной деятельности. Например, «в контексте уголовно-процессуальной деятельности социокультурное сопротивление со стороны русской (российской) культуры западной культуре состоит в неспособности правоохранительной системы (организованной по западным образцам) нейтрализовать истоки преступности, опирающиеся в своих основаниях на условия материальной и духовной жизни нашего народа» [1, С. 19]. Именно в этом вся сложность, что «когда мы употребляем слово “право”, мы уже имплицитно входим в систему западного образа мышления, попадаем в философский контекст, чуждый органицистской логике...» [2, С. 11]. Такой ученый, как Н.Винер, рассматривал право, как определенный зашифрованный код, эффективность которого определяет сила государственного принуждения. «Право,— подчеркивает Ноберт Винер, — представляет собой процесс регулирования

соединяющих поведение различных индивидуумов “сцеплений” в целях создания условий, в которых можно отправлять так называемую справедливость и которые позволяют избежать споров или, по крайней мере, дают возможность рассудить их» [4, С. 119].

Под углом зрения русского понимания соотношения “право — мораль” с одной стороны, а “нравственность” — с другой, мы видим: мораль — это законотворческий процесс, а нравственность — правоприменительный. То есть, например, «...нравственность и духовность российского народа обеспечивает связь уголовно-процессуальной деятельности с собственной социокультурной системой» [1, С. 8]. Более того, «в отличие от духовно-нравственных установок, которые входят в содержание (сущность), западная либеральная, в том числе и протестантская культура, не видит себя без формы, поскольку нравственным основаниям, как совесть, долг, честь не придают значения, считают эти феномены рудиментами, в том числе и в уголовно-процессуальной деятельности» [15, С. 46–56].

Россия обязана сама себе, своему народу конструировать и использовать свои принципы права, которые должны представлять собой альтернативу западно-либеральным юридическим концепциям. «...Национальная юриспруденция должна резко и жестко отказаться от копирования правовых теорий Запада, подвергнуть их детальному и скрупулезному историко-геополитическому и критическому анализу, перенимая лишь то, что не противоречит принципам “тяглогового государства” и может быть использовано в ограниченно-инструментальных целях» [2, С. 18–19].

Пути смелого и самостоятельного решения для отечественного права должны базироваться на религиозном возвращении к своим предкам, то есть на идеале «Русской правды», содержащей нормы права в эпоху Древнерусского государства. И думается, что наступает тот момент, когда должны быть созданы и будут преобладать свои отечественные, политические идеи, входящие в государственную и правовую идеологию, без подражания Западному миру. Мы думаем, что «истинно национальная элита не имеет права оставить свой народ без Идеологии...» [8, С. 170]. Мы должны опираться ни на какую-то теоретическую, предполагаемую конструкцию, что якобы народ имеет какое-то отношение к избирательной демократии, а как это следует делать, исходя из консервативной идеологии: «Консервативные теоретики выводят моральные основания... из некоторых “абсолютных” источников — воли Бога, законов разума, объективного духа и т.д., и поэтому их защита моральных оснований права более последовательна, принципиальна, их позиции, в отличие от либерально-демократических, менее подвержены релятивизму, размыванию, противоречиям» [11, С. 10]. Поэтому очень верно, на наш взгляд, замечает Д.М. Володихин: «коллективное сознание России ищет точки опоры для противостояния чужому разуму. Первой и главной из них стала вера, другой может стать традиционализм» [5, С. 5]. Если же человек думает, что он настолько индивидуален и общество для него не есть авторитет, и, желая быть «гражданином мира», в этот момент принадлежит определенной цивилизации, отказываясь от нее, он становится одним из «чужаков». Та же «Уголовно-процессуальная деятельность является продуктом истории и культуры российского народа» [1, С. 15], содержание которого обуславливает русский народ, а «народ есть такая совокупность людей, которая связана узами права и соображениями всеобщей

пользы. Эта правовая связь, по мнению римских философов, называется справедливостью, без которой вообще невозможно никакое право» [2, С. 34].

В связи с вышесказанным надеемся и верим в то, что имеющая место «в России западная социокультурная модель общества, изуродовав души и мозги значительной части населения, все же рано или поздно потерпит крах» [12, С. 43]. Мы убеждены, что на сегодняшний день русскому и другим коренным народам России, чтобы не допустить изменения картины мира в сознании патриотично настроенных российских народов, необходимо помнить свою культуру как совокупность духовных и материальных ценностей, которые необходимо приумножать, пользоваться ими и передавать последующим поколениям, а также помнить свой язык, на котором народ не только общается, но и мыслит. Поэтому для того, чтобы сохранить свою принадлежность (идентичность) к РОдине как части своего наРОДа, к своему государству всегда, как в вопросах геополитики, так и в вопросах международной политики, а самое главное в вопросах права, как регулятора общественных отношений в контексте правил поведения, российское государство должно опираться на собственный интерес. Национальное законодательство должно ставиться выше (иметь высшую юридическую силу по отношению к международным договорам) различных международных договоров, которые являются творением западного мира, с помощью которых Запад пытается управлять российским государством.

Литература

1. Агутин А. В., Адаменко И. Е., Бажанов А. И. Организационно-правовой механизм формирования внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве: ценностно-мировоззренческие основания и методология / Под ред. В.Н.Григорьева. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России. — 2013.
2. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М.: Аграф. — 2003.
3. Верещагин О. А., Андреев О. Е. Нация как аналитическая категория этнополитики // Аспирантский вестник Поволжья. — 2016. — № 3-4. — С. 22.
4. Винер Н. Творец и будущее / Пер с англ. — М.:ООО Издательство АСТ. — 2003.
5. Володихин Д. М., Иртенина Н. В., Бенедиктов К. С., Алексеев С. В. Традиция и русская цивилизация. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006.
6. Дугин А. Г. Русский Логос — русский Хаос. Социология русского общества. — М.: Академический проспект, 2016.
7. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. — М.: Академический Проект, 2011.
8. Дугин А. Г. Русская вещь. Очерки национальной философии: в 2 т. Т.1.- М.: Арктогея- центр, 2001.
9. Крыленко Н. В. Судопроизводство РСФСР. — М., 1923.
10. Кудрявцев А. А., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. — М., 2000.
11. Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография. — М.: ИНФРА-М, 2015.
12. Миронова Т. Л. Броня генетической памяти. — М.: Алгоритм, 2014.

13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. — М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012.

14. Середнев В. А. Понятие этнос и народ как отрицание проекта «Российская нация» // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам LIX Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». — 2017. — № 2(54). — С. 15–23.

15. Середнев В. А. Отрицательное воздействие Западного либерального мировоззрения на уголовное судопроизводство России, на примере протестантских воззрения И.Канта и Г.Гегеля // Отечественная юриспруденция. — 2016. — № 12 (14). — С. 46–56.

16. Середнев В. А. Идеология «прав и свобод человека» как вредоносный фактор для русской культуры и российского государства // Экономика, социология и право: журнал научных публикаций. — 2016. — № 10 (октябрь). — С. 45–54.

17. Середнев В. А. К вопросу о механизме уголовно-процессуальной деятельности, как ритуалу обряда и его формы // Заметки ученого. — 2017. — № 5. — С. 74–83.

18. Середнев В. А. К вопросу противостояния: идеология «прав человека» против идеологии «прав гражданина» // Философия права. — 2017. — № 4 (83). — С. 70–73.

19. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под общ. ред. В.М.Лебедева. — М.: Юрайт, 2014.

20. Федорченко Е. Н. Религиозные основы Русской государственности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2005. — № 3-4. — С. 130–136.

21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства, Т.1. — СПб., 1996.

22. Шандра А. В. Русофобия как часть идеологии радикального ислама // Универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. — Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». — 2016. — С. 257.

23. Элиаде М. Священное и мирское. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1994.

TO THE QUESTION OF TRADITIONAL DOMESTIC LAW AS A MECHANISM OF PRESERVING THE GROUP IDENTITY OF THE PEOPLE (HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT)

Serednev V. A.

Lecturer at the Faculty of Economics and Law,
Law, Philosophy and Social Sciences Department,
Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky,
Arzamas

In article the idea of creation (restoration) of the domestic right in general and criminal procedure in particular, the right, other than the western liberal archetypes, which penetrated the

legal system of Russia now is considered. According to the author, the right has to be a product of culture of the people, its traditions, customs, valuable orientations and moral understanding at regulation of the public relations. The author carries out the analysis West liberal ideology, in particular, of religion of the Western world of "human right", and shows that they have a negative trend on the Russian soil as this ideology deprives of group identity the Russian people, specifying it that he has to be "the citizen of the world". Therefore the author draws a conclusion that for maintaining identity of the Russian people (and other indigenous people of Russia), Russia in questions as international policy, and is right, has to be guided only by the state interest, and the national legislation has to be put above (to have the highest validity in relation to international treaties) various international treaties to resist to the Western world.

Keywords: right, criminal proceedings, people, culture, West, liberalism, Russia, tradition.

УДК 347.637

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10035

ОГРАНИЧЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Н. А. Аблятипова, Ю. С. Луговая

В статье рассматривается порядок и основания ограничения родительских прав, а также правовые последствия данной процедуры как для родителей, так и для детей. Проводится анализ судебной практики в отношении оснований ограничения родительских прав и оснований выбранных действий органов опеки и попечительства по защите прав и интересов ребенка, с точки зрения обеспечения права ребенка на надлежащее семейное воспитание. Особое внимание уделяется трудностям правоприменительной практики, которые связаны с недостаточной проработкой в законодательстве отдельных терминов. По результатам работы, авторы обосновывают необходимость дальнейшего совершенствования законодательства об ограничении родительских прав, а также пути решения поставленных проблем.

Ключевые слова: ограничение родительских прав, защита прав несовершеннолетних, опасность, основания ограничения, последствия.

В современный период в Российской Федерации государство стоит на защите здоровья, прав и интересов детей. Тем не менее, к сожалению, нередки случаи, когда родители создают определенную опасность для ребенка при нахождении рядом с ним, и тогда, в интересах самих же детей, закон предусматривает возможность ограничения в правах как матери, так и отца. Ограничение прав — мера, когда общество не видит причин для окончательного отлучения отца или матери от ребенка, но образ жизни и поведение считает несовместимыми с ролью родителя и воспитателя. При этом речь не идет о лишении родительских прав, а устанавливается временная мера. Проблема ограничения родительских прав является актуальной в связи с тем, что на практике случаи необоснованного ограничения в родительских правах получают существенный общественный резонанс. Судебные органы при вынесении решения должны учесть интересы и мнения всех сторон дела, в частности несовершеннолетнего, его родителей, органов опеки и попечительства, что порой вызывает трудности и требует детального разбора для дальнейшего совершенствования данного института.

Целью статьи является анализ проблемных аспектов ограничения родительских прав по законодательству Российской Федерации.

*Аблятипова Наталья Айдеровна — к.ю.н., доцент, заслуженный юрист РК;
Луговая Юлия Сергеевна — студентка, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь*

Наряду с лишением родительских прав Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) [1] предусмотрел в качестве защиты прав и интересов несовершеннолетних ограничение родительских прав. Закон не закрепляет определения термина «ограничение родительских прав», устанавливая непосредственно уже основания и последствия. Л.В.Ладочкина под ограничением родительских прав понимает государственную меру принуждения, которая влечет отобрание ребенка у родителей без лишения их родительских прав [2, с. 25].

Основываясь на положениях ст. 73 СК РФ, правовые основания ограничения родительских прав можно условно разделить на две группы.

К первой группе относятся случаи, когда опасность в семье для ребенка возникает в результате невиновного поведения родителей либо одного из них — их действия или бездействия. Согласно перечню ч. 1 п. 2 ст. 73 СК РФ, речь идет о психических расстройствах, хронических заболеваниях родителей, стечении тяжелых обстоятельств и т. п. Так, Решением Центрального районного суда г. Симферополя по делу № 2-2314/2016 от 28.10.2016 г. М. была ограничена в родительских правах в связи с тем, что состоит на учете в ГБУЗРК «КРКПБ №» психоневрологическом диспансере с 2010 г. с диагнозом шизофрения, параноидной формы, эпизодический тип течения с нарастающим дефектом психики. Было установлено, что нахождение несовершеннолетнего ребенка с М. является опасным для ребенка [3], что, на наш взгляд, является оправданным и обоснованным.

Другая группа подразумевает случаи виновного (противоправного) поведения родителей (одного из них), в результате которого пребывание ребенка в семье несет для него опасность. Так, Нижнегорский районный суд (Республика Крым) по делу № 2-749/2016 от 03.11.2016 г. установил, что мать стала оставлять детей без родительского попечения на длительный период, проводя время в кругу людей, склонных к употреблению алкоголя. Воспитанию, обучению, а также содержанию детей должного внимания не уделяет, неоднократно привлекалась к административной ответственности за неисполнение родительских обязанностей. Постановлением комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав семья ответчицы признана находящейся в социально-опасном положении по проблеме: неисполнение родительских обязанностей по воспитанию, обучению, содержанию детей. Ответчица в судебном заседании против иска не возражала, пояснила, что осознала свою вину в том, что «выпивала, уходила в запои на недели и оставляла детей дома одних, постоянной работы не имеет, живет за счет пособий и случайных заработков, сейчас проживает с сожителем, не пьет, в декабре 2016 г. планирует пройти лечение от алкоголизма в Симферополе, хочет устроиться на работу и воспитывать детей» [4]. Оценив представленные по делу доказательства, суд решил, что мать не выполняет надлежащим образом свои родительские обязанности по отношению к своим несовершеннолетним детям, не заботится об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, материально-бытовом обеспечении, злоупотребляет спиртными напитками, а оставление с ответчицей детей создает опасность для жизни и здоровья несовершеннолетних, в связи с чем исковые требования об ограничении в родительских правах подлежат удовлетворению [4].

Таким образом, ключевым понятием при ограничении родительских прав является категория «опасность». В законодательстве понятие «опасное положение» закреплено в

ст. 1 ФЗ от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и связано с тем, что родители или законные представители ребенка не исполняют своих обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на его поведение либо жестоко обращаются с ним [5].

Важно отметить, что четких критериев определения оснований для отобрания ребенка законодательство не содержит. В настоящее время характер и степень опасности определяются в каждом конкретном случае с учетом возраста, состояния здоровья ребенка, а также иных обстоятельств. Необходимо восполнение указанного законодательного пробела, которое помогло бы снять правоприменительные проблемы. Термин «опасность» предлагается трактовать как наличие реальной угрозы нанесения вреда жизни, здоровью, физического или морального ущерба личности ребенка родителями или лицами, их заменяющими, подтверждаемой фактическими данными акта обследования условий жизни семьи, свидетельскими показаниями, объяснениями органа опеки и попечительства, медицинскими заключениями.

Обратимся к процедуре ограничения родительских прав. Процедура ограничения в родительских правах начинается с подачи соответствующего искового заявления.

В качестве ответчика по делу выступает лицо, от которого исходит опасность для ребенка. Если эта опасность связана с психическим заболеванием родителя (усыновителя), сначала решается вопрос о его процессуальной дееспособности. Однако следует иметь в виду, что иск об ограничении родительских прав можно предъявить только родителю, который считается таковым в порядке требований ст. 49 СК РФ. Суд может отказать в принятии такого искового заявления на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК, если требования предъявлены к лицам, заменяющим родителей, — опекунам, попечителям, приемным родителям, патронатным воспитателям. Но в определенных случаях допускается подача иска к усыновителям по аналогии закона (ст. 5 СК РФ, п. 1 ст. 137 СК РФ).

Обязательными участниками в деле об ограничении в родительских правах являются органы опеки и попечительства, а также прокурор.

В порядке требований ст. 123 СК РФ в обязанности органов опеки и попечительства входит рассмотрение ряда аспектов жизни лиц, выступающих истцами и претендующих на получение воспитательных обязанностей в отношении несовершеннолетнего, на предмет соответствия их возможностей справляться с воспитанием ребенка.

Действующим семейным законодательством не закрепляются требования к формату и структуре такого заключения органов опеки и попечительства. Однако, кроме информативных и аналитических сведений, относящихся к несовершеннолетнему и его семье, органу опеки и попечительства необходимо обосновать выбранные им действия по защите прав и интересов ребенка согласно п. 2 ст. 73 СК РФ, с точки зрения обеспечения права ребенка на надлежащее семейное воспитание.

Так, по делу об ограничении родительских прав Орган опеки и попечительства Администрации г. Красноперекоска в своем заключении в деле № 2-1107/2017 от 13 февраля 2018 г. посчитал целесообразным ограничить в родительских правах К. (мать) в отношении сына С. При этом указал, что несовершеннолетний проживает последние пять

месяцев с отцом и находится на его полном иждивении, алименты не выплачиваются. Отец не препятствует встречам ребенка с матерью, хотя они проходят крайне редко. Мать против иска возражала, обосновывая тем, что проживает в г.Ялта и видится с ребенком по мере возможности, алименты удерживают из ее зарплаты, в настоящее время она не работает, так как находится на больничном в связи с беременностью и родами. Ей не известно, почему истец не получает алименты. Несмотря на заключение органа опеки и попечительства, а также показаниям воспитателя дошкольного образовательного учреждения об отсутствии контакта с матерью и ее участия в жизни ребенка, суд в ограничении родительских прав отказал. Суд решил, что оснований для ограничения родительских прав в настоящее время не усматривается, поскольку доказательств, свидетельствующих об уклонении ответчика от выполнения своих родительских обязанностей по воспитанию и содержанию своего ребенка суду не представлено, учитывая, что ответчица проживает в другом городе, работает, не часто, но встречается с ребенком и из ее заработка удерживаются алименты на содержание ребенка [6].

Рассматривая дела данной категории, судом должны учитываться положения ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка и ст. 57 СК РФ, согласно которым несовершеннолетний имеет право выражать свое мнение касательно всех вопросов, затрагивающих его интересы. Так, в деле об ограничении родительских прав, допрошенный в судебном заседании несовершеннолетний П. пояснил, что с матерью он не общается, мать к нему не приезжает, последний раз видел мать более полугода назад, которая приезжала на похороны родственника. По телефону они также общались давно. Мать его судьбой не интересуется, каких-либо подарков не покупает, в школу не приходит. Проживает он с бабушкой, которую он любит и которая заботится о нем. Каких-либо препятствий в общении с матерью ему никто не чинит [7]. В данном случае требования об ограничении родительских прав были удовлетворены.

Согласно п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. N 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» суд, когда решает вопрос об ограничении родительских прав, должен исходить из характера и степени опасности, а также возможных последствий для жизни или здоровья ребенка [8]. Кроме того, принимаются во внимание иные обстоятельства, например, при виновном поведении родителей, создающем опасность для ребенка, выясняется, осознают ли родители виновность своего поведения, имеют ли намерение изменить его и какие конкретные меры собираются для этого предпринять. Удовлетворяя иск, в связи с виновным поведением родителей, суд выносит решение об ограничении родительских прав без указания срока их ограничения.

Процесс исполнения вынесенного судом решения об ограничении родительских прав является завершающим этапом судебного производства. Исполнение решений суда по таким делам производится судебным исполнителем в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Следовательно, центральным участником процесса исполнения судебного решения является не орган опеки и попечительства, а судебный пристав-исполнитель. Однако, на практике часто

наблюдается обратная схема, когда пристав-исполнитель играет роль наблюдателя и представителя власти при инспекторе по правам несовершеннолетних, что противоречит законодательным положениям не только Семейного кодекса РФ, но и Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», и Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 118-ФЗ «О судебных приставах».

В соответствии с п. 2 ст. 73 СК РФ, если родители (один из них) не изменят своего поведения, орган опеки и попечительства по истечении шести месяцев после вынесения судом решения об ограничении родительских прав обязан предъявить иск о лишении родительских прав. То есть ограничение в родительских правах — это временная санкция, мера профилактического характера, которая преследует цель защитить право ребенка на надлежащее семейное воспитание. Однако действующее законодательство не содержит механизма, который позволял бы отслеживать изменение образа жизни родителя и проводить с ним работу по профилактике социального сиротства.

Процедура по отмене ограничения в родительских правах представляет собой юридические действия, направленные на правовое обоснование восстановления детско-родительских семейных отношений. В соответствии с п. 1 ст. 76 СК РФ, ограничение родительских прав может отменить суд по исковому требованию, предъявленному родителями или одним из них, при установлении отсутствия причин, послуживших поводом для вынесения решения по их ограничению. В данном случае родитель обязан доказать в судебном процессе отсутствие опасности для несовершеннолетнего и целесообразность его возвращения в родительскую семью.

Также родитель должен одновременно с подачей иска об отмене ограничения родительских прав просить суд о возврате ему ребенка, т. е. о защите своих родительских прав. Однако удовлетворение иска об отмене ограничения в родительских правах непосредственно связано с интересами несовершеннолетнего, который мог забыть о родителях и привязаться к лицу, их заменившему, поэтому мнение ребенка о предстоящих изменениях в его жизни суд учитывает обязательно. Если суд придет к выводу, что возвращение ребенка родителям (одному из них) противоречит его интересам, то в соответствии с п. 2 ст. 76 СК РФ в удовлетворении иска родителям может быть отказано.

Важно указать, что основным правовым последствием удовлетворения решения об ограничении родительских прав является утрата права родителей лично воспитывать своего ребенка — роль его законного представителя переходит к назначенным в установленном порядке лицам (опекуну, попечителю, приемному родителю, детскому учреждению). Но родители не освобождаются от обязанности по содержанию своих детей в порядке требований п. 2 ст. 74 СК РФ и ст. 84 СК РФ.

Что же касается имущественных прав родителей, ограниченных в родительских правах, то п. 2 ст. 1117 ГК РФ не включает их в перечень недостойных наследников. Поэтому возникает вопрос, можно ли отнести к недостойным наследникам родителей, ограниченных в родительских правах. Но нет однозначного ответа. Если ограничение состоялось по причине душевного заболевания родителя, то в его действии (бездействии) не будет вины, а значит, нет и оснований включать его в перечень недостойных наследников.

Важно отметить, что при ограничении родительских прав сохраняется правовая связь между родителем и ребенком, могут быть сохранены их личные контакты, тем более если ограничение родительских прав связано с отсутствием вины родителя или наличием его вины в меньшей степени, чем при лишении родительских прав. Поэтому обязательным условием сохранения личных связей родителя и ребенка является требование ст. 75 СК РФ о том, что эти встречи не оказывают на ребенка вредного влияния.

Дети, чьи родители ограничены в родительских правах, приобретают статус детей, утративших родительское попечение, в порядке требований ст. 121 СК РФ и подлежат устройству в соответствии со ст. 123 СК РФ. Обязательное устройство изъятого из семьи ребенка решает проблему охраны и защиты его имущественных и личных неимущественных прав, поскольку этими вопросами занимается его опекун, попечитель, приемный родитель или детское учреждение, где находится несовершеннолетний.

Таким образом, существуют определенные проблемы при ограничении родительских прав, требующие своего решения. По нашему мнению, необходимо законодательное закрепление понятия «опасность», создаваемая в отношении ребенка родителями. Термин «опасность» предлагается трактовать как наличие реальной угрозы нанесения вреда жизни, здоровью, физического или морального ущерба личности ребенка родителями или лицами, их заменяющими, подтверждаемой фактическими данными акта обследования условий жизни семьи, свидетельскими показаниями, объяснениями органа опеки и попечительства, медицинскими заключениями.

Анализ процедуры ведения процесса и принятия судом решения в делах об ограничении родительских прав свидетельствуют о ключевой роли действий органов опеки и попечительства, уполномоченных на защиту прав несовершеннолетнего, в связи с чем необходима выработка четких критериев, необходимых в оценке угрозы для несовершеннолетнего при составлении заключений по обследованию условий содержания и воспитания ребенка в семье. Однако изучение судебной практики позволило выявить большое количество дел, в которых суд не согласился с обоснованиями органа опеки и попечительства, либо их анализ ситуации оказался поверхностным и не дающим полного представления о выявленной проблеме. Следовательно, необходим контроль качества проведения заключения органом опеки и попечительства, так как это отражается, в первую очередь, на интересах детей. Также необходимо внедрение в законодательство механизма, который позволял бы отслеживать изменение образа жизни родителя и проводить с ним работу по профилактике поведения в отношении ребенка.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 16.
2. Ладочкина Л. В. Ограничение родительских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 4. — С. 101–104.
3. Решение Центрального районного суда г. Симферополя по делу № 2-2314/2016 от 28.10.2016 г. // СудАкт: электронная база судебных решений [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yVtTWn7TxnlU/>

4. Решение Нижнегорского районного суда (Республика Крым) по делу № 2-749/2016 от 3.11.2016 г. // СудАкт: электронная база судебных решений [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/4Ak0ccsWm0QQ/>

5. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 27.06.2018) "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" // Собрание законодательства РФ, 28.06.1999, N 26, ст. 3177.

6. Решение Красноперкопского районного суда (Республика Крым) по делу № 2-1107/2017 от 13 февраля 2018 г. // СудАкт: электронная база судебных решений [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/c2tRLkfXOQHW/>

7. Решение Черноморского районного суда (Республика Крым) по делу № 2-1072/2017 от 28 декабря 2017 г. // СудАкт: электронная база судебных решений [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QX8EnmUoTVQh/>

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44 "О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав" // Гарант: правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709348/>

THE RESTRICTION OF PARENTAL RIGHTS: MODERN PROBLEMS OF REALIZATION

Ablyatipova N.A., Lugovaya Y.S.

Russian State University of Justice (Crimean Branch), Simferopol

In article the order and the bases of restriction of the parental rights and also legal consequences of this procedure both for parents, and for children is considered. The analysis of judicial practice concerning the bases of restriction of the parental rights and the bases of the chosen actions of tutorship and guardianship authorities for protection of the rights and the interests of the child, in terms of ensuring the right of the child to appropriate family education is carried out. Special attention is paid to difficulties of law-enforcement practice which are connected with insufficient study in the legislation of separate terms. By results of work, authors prove need of further improvement of the legislation on restriction of the parental rights and also solutions of the put problems.

Keywords: *restriction of parental rights, protection of the rights of minors, danger, grounds for restriction, consequences.*

УДК 343.2

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10036

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И. В. Пикин, И. А. Тараканов, С. А. Пичугин

Статья посвящена рассмотрению особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Авторами анализируются положения уголовного закона, отражающие специфику применения мер уголовно-правового принуждения к несовершеннолетним. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что несовершеннолетний возраст лица, совершившего преступление, существенно сокращает пределы уголовной ответственности, позволяя при этом применить к виновному лицу специальные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность, возраст, наказание, несовершеннолетний, субъект преступления.

Глава 14 Уголовного кодекса Российской Федерации посвящена особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

Совершение несовершеннолетним лицом преступления свидетельствует о недостатках его воспитания, нравственно-правового развития. Данное преступление может негативно отразиться на дальнейшей судьбе подростка, определить характер его последующих отношений с уголовным законом. На преступное поведение несовершеннолетних лиц оказывают большое влияние негативные социальные процессы и явления, происходящие в обществе, причем указанные лица в гораздо большей степени подвержены воздействию таких факторов, чем совершеннолетние. Криминализация среды несовершеннолетних требует реагирования, в том числе и при помощи уголовно-правовых мер. Именно поэтому вопросы уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних являются актуальными и практически значимыми.

Анализируя нормы главы 14 УК РФ, Я. Н. Ермолович указывает, что несовершеннолетие виновного признается «обстоятельством, дифференцирующим

Пикин Иван Викторович — к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии, Владимирский юридический институт ФСИН России

Тараканов Илья Александрович — к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии, Владимирский юридический институт ФСИН России

Пичугин Сергей Андреевич — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Владимирский юридический институт ФСИН России

уголовную ответственность» [6, С. 91–92], и отмечает, что «особенности уголовной ответственности несовершеннолетних заключаются в следующем: 1) несовершеннолетие признается обстоятельством, смягчающим наказание (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ); 2) при назначении наказания несовершеннолетнему, кроме общих обстоятельств, также учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц (ст. 89); 3) наличие особого основания освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, если будет признано, что их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 90); 4) наличие особых оснований освобождения от наказания несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92); 5) наличие особых оснований освобождения от наказания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92); 6) наличие особых правил условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, применяемых к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, осужденным к лишению свободы (ст. 93); 7) наличие особых правил исчисления сроков давности совершения преступления и исполнения обвинительного приговора суда (ст. 94); 8) наличие особых правил исчисления сроков погашения судимости (ст. 95)» [6, с. 91–92].

На необходимость точного установления возраста несовершеннолетнего обращается особое внимание в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»: «В соответствии со статьями 19, 20 УК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 421, статьей 73 УПК РФ установление возраста несовершеннолетнего обязательно, поскольку его возраст входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, является одним из условий его уголовной ответственности. Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т. е. с нуля часов следующих суток. При установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица».

Однако достижение определенного законом возраста, называемого паспортным или хронологическим, не всегда означает, что лицо способно нести уголовную ответственность. На это указывает И. М. Мухачева: «Следует отметить, что законодатель, определяя возраст наступления уголовной ответственности, предполагает, что все несовершеннолетние, находящиеся в возрастном периоде с 14 до 18 лет, способны осознавать значение, общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Но несовершеннолетние, имеющие один и тот же паспортный возраст, зачастую имеют различное физическое и психическое развитие. Поэтому считать дату

вступления подростка в определенный возрастной период универсальным критерием автоматической осознанности, волевого контроля и способности прогнозировать последствия своего поведения не совсем верно. Устанавливая низший возрастной порог уголовной ответственности, законодатель учитывает данные возрастной психологии, опираясь на типичные характеристики подросткового возраста. При этом физиологические и психологические показатели, правосознание (осознание и понимание уголовно-правовых запретов) могут не соответствовать общепринятым характеристикам подросткового возраста. Созревание мозговых структур, формирование функциональных систем, нравственных ориентиров и становление системы правосознания в одном и том же возрастном периоде у разных несовершеннолетних может быть различным» [9, С. 118–119].

Это обуславливает необходимость юридического закрепления такого состояния несовершеннолетнего, как возрастная невменяемость. Так, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности. Анализируя понятие возрастной невменяемости, И.М.Мухачева отмечает: «Для применения ч. 3 ст. 20 УК РФ определяющее значение имеет несоответствие фактически достигнутого паспортного возраста уровню психического развития, что не позволяет лицу во время совершения общественно опасного деяния в полной мере осознавать фактический характер своих действий (бездействия)» [9, С. 118].

Несовершеннолетний возраст виновного лица имеет значение для признания рецидива преступлений. Согласно п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ, при рецидиве преступлений не учитываются судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет.

Такое законодательное решение И. Г. Возжанникова объясняет следующим образом: «Эта позиция законодателя предполагает, что личность несовершеннолетнего преступника все же в принципе не отождествляется с личностью профессионального преступника. Рецидив вполне естествен как показатель общественной опасности личности взрослого преступника. Однако, учитывая несформированность личности несовершеннолетнего правонарушителя, нельзя однозначно утверждать о прочной фиксированности негативных личностных качеств и установок в его самосознании» [1, С. 7].

По этому поводу В. А. Лелеков и Е. В. Кошелева справедливо замечают, что в отношении несовершеннолетних можно говорить только о криминологическом рецидиве: «По уголовному законодательству Российской Федерации рецидивной преступности среди несовершеннолетних не существует... В статистических карточках, таблицах и сборниках МВД России такие лица именуются ранее совершавшими преступления, в том числе в несовершеннолетнем возрасте. Однако кроме уголовного права понятие рецидива определяет и криминология. Это совершение повторного преступления любыми лицами независимо от того, привлекались ли они или не привлекались к уголовной ответственности за ранее совершенные преступления.

Криминологический рецидив именуют фактическим. Для повышения эффективности борьбы с преступностью изучение криминологического рецидива несовершеннолетних представляет значительный интерес [7, С. 8].

Кроме того, согласно п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ, несовершеннолетие виновного признается обстоятельством, смягчающим наказание. Сходное обстоятельство нашло свое отражение в административном законодательстве. Как отмечает М.Ф.Мингалимова, «п. 9 ч. 1 ст. 4.2 КоАП соответствует по содержанию п. «б» ч. 1 ст. 61 УК: совершение административного правонарушения несовершеннолетним / несовершеннолетие виновного» [8, С. 53].

Признание несовершеннолетия виновного обстоятельством, смягчающим наказание, подвергалось критике со стороны отдельных ученых. Так, К.В.Дядюн утверждал, что «наличие в ст. 61 УК РФ пункта «б» (несовершеннолетие виновного) представляется излишним, поскольку игнорируется необходимость гуманного отношения к охраняемым интересам общества и государства, что отрицательно сказывается на достижении целей уголовного наказания» [5, С. 36]. Аналогичного мнения придерживается Г.И.Чечель [11, С. 183]. Полагаем, что несовершеннолетие виновного указывает на недостаточную социальную и психическую зрелость такого лица, и потому должно учитываться судом при назначении наказания наряду с другими смягчающими и отягчающими наказание обстоятельствами в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Следует обратить внимание, что принудительные меры воспитательного воздействия могут быть назначены только несовершеннолетним. По мнению К.А.Волкова, принудительные меры воспитательного воздействия можно рассматривать в качестве мер компромисса или альтернативных мер в борьбе с преступностью несовершеннолетних, позволяющих достигать целей уголовной ответственности вне традиционной схемы: преступление — наказание — судимость [4, С. 16]. Сходное мнение высказывает С. А. Бурлака: «Возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со ст.ст. 90-92 Уголовного кодекса РФ на сегодняшний день наиболее выраженная качественная особенность уголовно-правового статуса несовершеннолетних правонарушителей» [2, С. 34].

Несовершеннолетний возраст осужденного имеет значение и при определении вида исправительного учреждения, где он будет отбывать наказание в виде лишения свободы. Так, согласно ч. 3 ст. 58 УК РФ, лицам, осужденным к лишению свободы, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, отбывание наказания назначается в воспитательных колониях. Достижение же таким лицом 18 лет обуславливает возможность его перевода в изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, или в исправительную колонию (ч. 2 ст. 140 УИК РФ). Когда же такой осужденный достигает девятнадцатилетнего возраста — перевод в исправительную колонию общего режима является обязательным (ч. 3 ст. 140 УИК РФ).

На проблему, связанную с достижением лицом восемнадцатилетнего возраста к моменту вынесения приговора, обращала внимание И. Г. Возжанникова: «Так, ст. 58 УК РФ не содержит ограничений относительно выбора вида учреждения для

несовершеннолетних, достигших к моменту вынесения приговора восемнадцати лет. Поэтому можно было бы, например, сделать вывод о возможности назначения такому лицу исправительной колонии строгого режима. Вместе с тем это не так. В соответствии с ч. 3 ст. 58 УК РФ лица, не достигшие восемнадцати лет, помещаются в воспитательные колонии. Однако по достижении восемнадцати лет они могут быть переведены, а по достижении девятнадцати лет — переводятся из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима (ст. 140 УИК РФ). Таким образом, несовершеннолетний, перейдя в категорию взрослых лиц, может быть переведен только в исправительную колонию общего режима. Более строгий режим исправительной колонии ему не может быть определен. Возникает вопрос: может ли суд назначить лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, более строгий вид исправительного учреждения, чем тот, в который данное лицо могло бы быть переведено из воспитательной колонии?» [3, С. 33–34]. Для решения указанной проблемы И.Г.Возжанникова предлагает дополнить ч. 3 ст. 58 УК РФ следующим предложением: «Лица, совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте, но достигшие восемнадцати лет к моменту вынесения приговора, помещаются в исправительные колонии общего режима» [3, С. 34].

Однако достижение лицом восемнадцатилетнего возраста не означает утраты возможности применения к нему положений главы 14 УК РФ.

Согласно статье 96 УК РФ, суд вправе применить эти положения и к лицам, которым исполнилось не более двадцати лет, за исключением помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа либо воспитательную колонию. Анализируя целесообразность такого применения, Н.М.Хромова отмечает: «Применение ст. 96 УК РФ может быть признано обоснованным в связи с социальной и психической незрелостью лица во время совершения преступления, например при наличии у лица ограниченной (уменьшенной) вменяемости (ст. 22 УК РФ) либо отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, тяжелых условий жизни и воспитания, небольшой или средней тяжести совершенного деяния, ряда смягчающих обстоятельств» [10, С. 105].

Изложенное позволяет выделить следующие особенности влияния несовершеннолетнего возраста виновного лица на основания и пределы уголовной ответственности:

- 1) несовершеннолетие виновного признается обстоятельством, смягчающим наказание;
- 2) несовершеннолетие виновного лица препятствует применению к нему отдельных видов наказания;
- 3) несовершеннолетие виновного лица существенно сокращает максимальные пределы назначения ему наказания;
- 4) несовершеннолетие виновного лица обуславливает в случае назначения ему наказания в виде лишения свободы помещение его в воспитательную колонию;
- 5) несовершеннолетие виновного лица в отдельных случаях позволяет освободить его от уголовной ответственности или наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

6) несовершеннолетие виновного лица в отдельных случаях позволяет применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;

7) несовершеннолетие виновного лица сокращает сроки фактического отбывания наказания для применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, сроки давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора суда, а также сроки погашения судимости;

8) совершение несовершеннолетним лицом преступления исключает возможность учета судимости за него при признании рецидива;

9) недостижение совершеннолетним лицом возраста двадцати лет позволяет применить к нему меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним, за исключением помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа либо воспитательную колонию.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что несовершеннолетний возраст лица, совершившего преступление, существенно сокращает пределы уголовной ответственности, позволяя при этом применить к виновному лицу специальные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Литература

1. Будякова Т. П. Несовершеннолетний преступник как особая жертва // Вопросы ювенальной юстиции. — 2011. — № 4. — С. 6–9.
2. Бурлака С. А. Особенности правоотношений, возникающих в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Российский следователь. — 2018. — № 5. — С. 34–39.
3. Возжанникова И. Г. Вид исправительного учреждения при рецидиве преступлений: нерешенные проблемы // Российский следователь. — 2014. — № 3. — С. 32–36.
4. Волков К. А. Специальный вид освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних: вопросы теории и судебной практики // Российский следователь. — 2015. — № 9. — С. 15–17.
5. Дядюн К. В. Реализация принципа гуманизма в законотворческой и правоприменительной деятельности // Российский юридический журнал. — 2013. — № 1. — С. 28–38.
6. Ермолович Я. Н. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. — 2016. — № 1. — С. 88–98.
7. Лелеков В. А., Кошелева Е. В. О некоторых особенностях криминологического рецидива несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. — 2012. — № 4. — С. 8–11.
8. Мингалимова М. Ф. Институт смягчающих обстоятельств в отраслях российского права // Законность. — 2015. — № 12. — С. 52–55.

9. Мухачева И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 6. — С. 118–125.
10. Хромова Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. — 2018. — № 4. — С. 96–109.
11. Чечель Г. И. Спорные вопросы назначения наказания несовершеннолетним // Общество и право. — 2011. — № 3. — С. 180–185.

PECULIARITIES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT OF MINORS

Pikin I.V., Tarakanov I.A., Pichugin S.A.

Vladimir Law Institute FPS of Russia, Vladimir

The article is devoted to the consideration of the features of criminal responsibility and punishment of minors. The authors analyze the provisions of the criminal law, reflecting the specificity of the application of measures of criminal law coercion of minors. As a result of the study, it was concluded that the minor age of the person who committed the crime significantly reduces the limits of criminal responsibility, while allowing special types of exemption from criminal liability and punishment to be applied to the guilty person.

Keywords: criminal liability, age, punishment, minor, the subject of the crime.

УДК 342

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10037

ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЁНКА, НА ЖИЗНЬ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ РЕБЁНКА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. А. Артеменкова

В статье рассматриваются проблемы защиты прав ребёнка на жизнь Уполномоченным по правам ребёнка в Саратовской области. На основе проведенного исследования и анализа мер по реализации прав ребёнка на жизнь автором выявлены существующие на разных уровнях проблемы. Сделаны выводы и предложены решения, направленные не только на восстановление нарушенных прав, но и на предупреждение их нарушения.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам ребёнка, дети, права, детский травматизм, обращения, несовершеннолетние.

Российская Федерация является правовым государством, в котором права и свободы человека принадлежат ему от рождения.

Дети нуждаются в особенной защите и охране в силу своей физической и умственной беспомощности. В Декларации прав ребёнка [1] и Конституции Российской Федерации [2] указаны права детей и они должны быть соблюдены вне зависимости от пола, расы, религии, политических убеждений, социального или национального происхождения, имущественного положения или иного обстоятельства.

Согласно официальной статистики Министерства здравоохранения, в Саратовской области в 2017 г. родилось 23,8 тыс. детей, умерло 213 детей [9]. При этом необходимо выделить ряд проблем.

Так, в Саратовской области имеется сложность учета статистики по суицидам несовершеннолетних детей. Отсутствует единый учет и единое взаимодействие трех ведомств, а именно в Следственном управлении Следственного комитета по Саратовской области, Министерстве здравоохранения области и ГУ МВД России по Саратовской области в вопросе профилактики суицидального характера между органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Все три ведомства предоставляют разную статистику (рис. 1–3).

Предлагаем федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции единой централизованной системы государственной статистики, разработать и сформулировать единый статистический учет суицидального поведения несовершеннолетних.

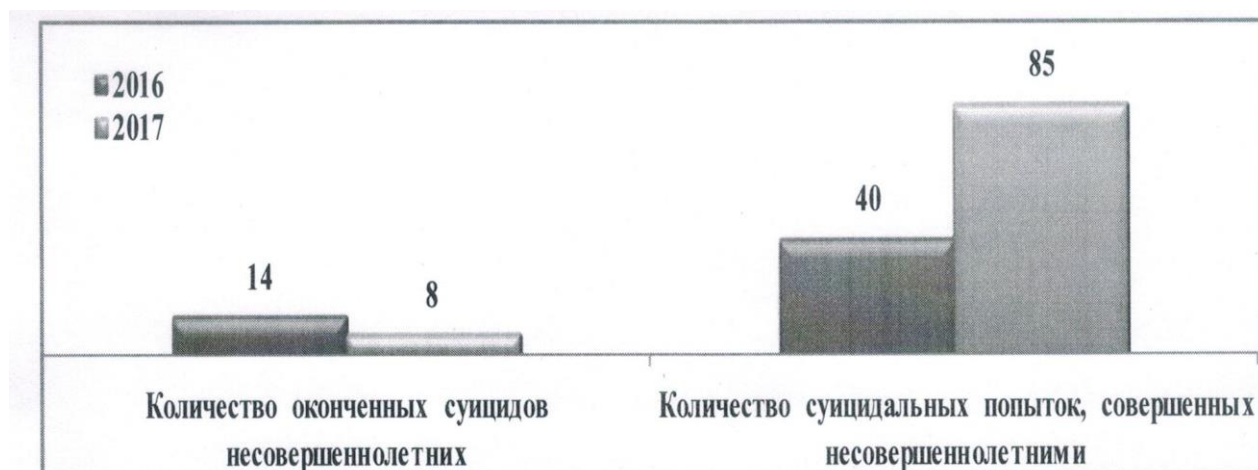


Рис. 1. Статистические данные по суицидам несовершеннолетних Следственного управления Следственного комитета по Саратовской области [10].



Рис. 2. Статистические данные по суицидам несовершеннолетних ГУ МВД России по Саратовской области [8].

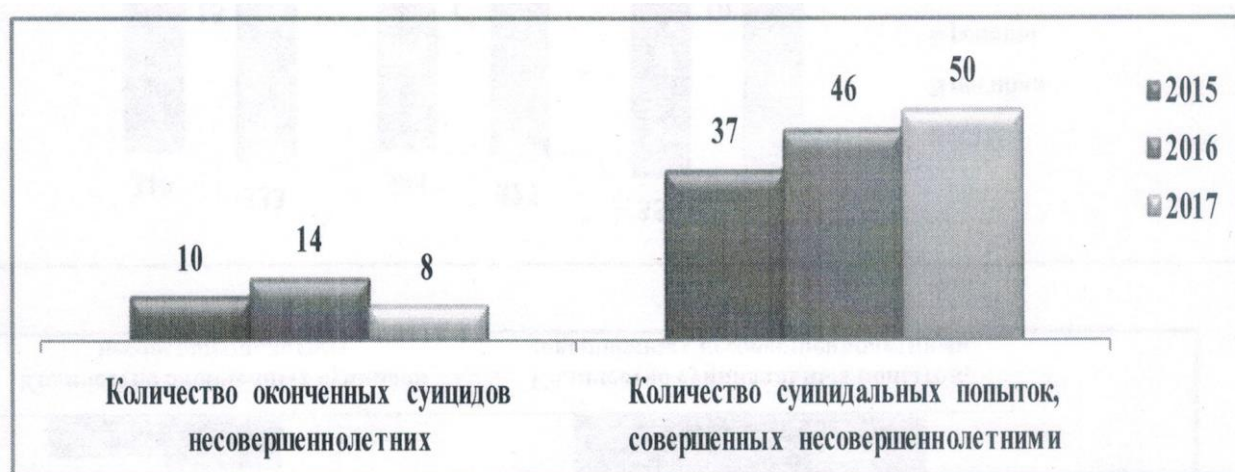


Рис. 3. Статистические данные по суицидам несовершеннолетних Министерства здравоохранения Саратовской области [9].

Согласно статистики Главного управления МЧС России по Саратовской области, в 2017 г. погибло 6 детей (2016 г. — 11, 2015 г. — 16 детей), травмы различной степени тяжести получили 16 детей (2016 г. — 16, 2015 г. — 15 детей) [11]. Количество детей, погибших на пожарах, снизилось на 45,45% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а количество травмированных осталось на уровне прошлого года.

За 2017 г. в естественных водоемах Саратовской области утонул 1 ребёнок (2016 г. — 10, 2015 г. — 6), что значительно меньше по сравнению с предыдущим годом [11].

Уполномоченный по правам ребёнка в Саратовской области проводит системные работы по информированию родителей о мерах безопасности при нахождении детей на водоемах, правилах поведения детей на воде, также проводит разъяснительные работы по обеспечению безопасности детей на дорогах.

В 2017 г. Уполномоченный по правам ребёнка в Саратовской области посетил оздоровительные учреждения области и установил, что в ряде лагерей при наличии инструктора по плаванию, дети не обучаются плаванию, отсутствует программа (план) по обучению детей плаванию, не ведется статистика детей, не умеющих плавать [12].

В Саратовской области в 2017 г. при падении из открытых окон пострадало 8 детей (1 случай со смертельным исходом) [6]. Уполномоченный по правам ребёнка проводит работы с производителями окон. Была запущена ежегодная акция Уполномоченным по правам ребёнка в Саратовской области «Закрой окно! Дети летать не умеют!».

В Саратовской области по данным ГУ МВД России в 2017 г. [8] возросло количество дорожно-транспортных происшествий с участием детей, вместе с тем количество детей, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, снизилось.

На территории Саратовской области в 2017 г. произошло 157 ДТП (АППГ: 1,3%), в которых получил травмы 182 ребёнка (АППГ: +6,4%) и 8 детей погибло (АППГ: –27,3%)

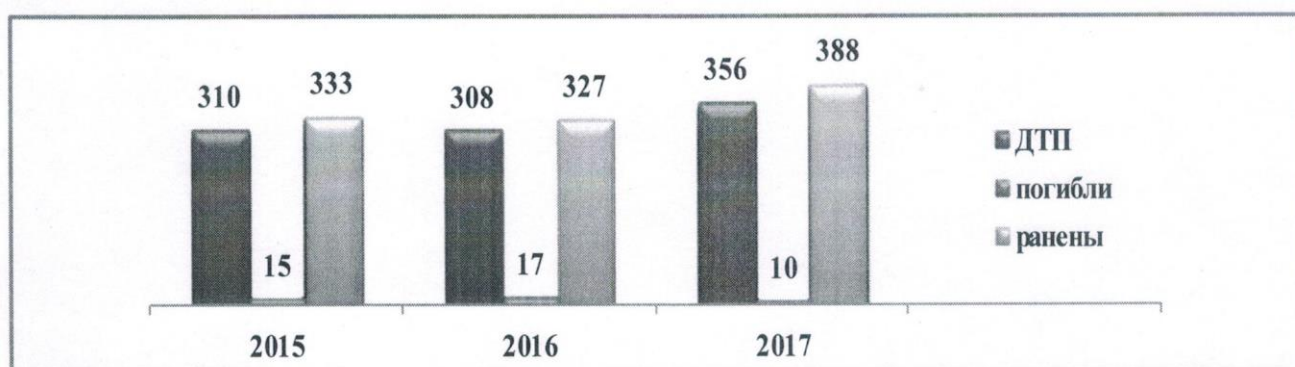


Рис. 4. Анализ детского дорожно-транспортного травматизма на территории Саратовской области за 2015-2017 гг. [5].

В 2017 г. сотрудниками Госавтоинспекции был составлен 4341 протокол об административных правонарушениях [7] по ст. 12.23 ч. 3 КоАП РФ [3].

Основной причиной ДТП с участием детей-пассажиров являются столкновения транспортных средств (128 ДТП), также несовершеннолетние страдают при опрокидывании транспортных средств (15 ДТП), наездах на препятствия (5 ДТП), наездах на стоящие транспортные средства (4 ДТП), съездах с дороги (4 ДТП), а также в результате падения в общественном транспорте (4 ДТП).

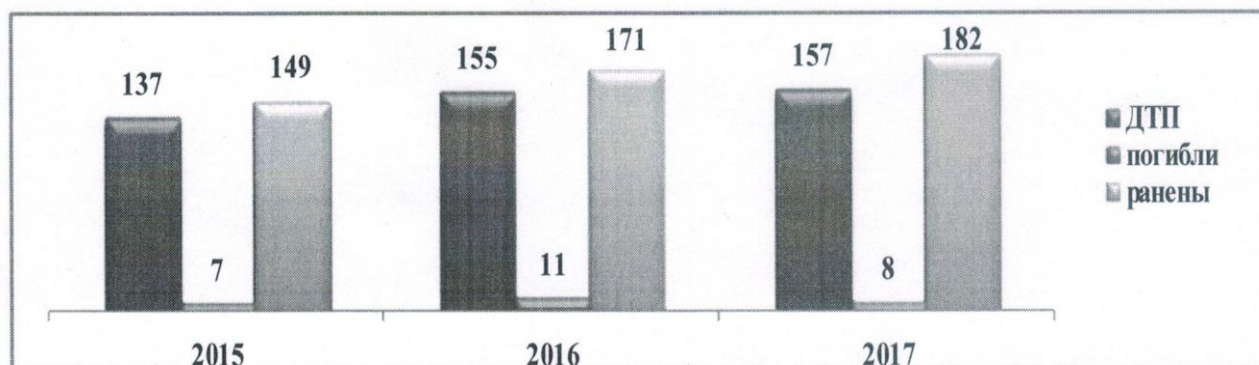


Рис. 5. Динамика аварийности с детьми в 2015-2017 гг. [4].

Причинами ДТП с детьми-пассажирами являются:

1. Несоблюдение очередности проезда — 51 ДТП.
2. Выезд на полосу встречного движения — 19 ДТП.
3. Неправильный выбор дистанции — 25 ДТП.
4. Нарушение правил расположения транспортных средств на проезжей части — 17 ДТП.

В качестве пассажиров погибло 8 детей (7 мальчиков и одна девочка). В результате столкновений погибло 5 детей, один ребенок скончался в результате опрокидывания транспортного средства, и двое детей погибли в результате катания на санях (провалились под лед). В возрасте до 8 лет погибло 6 детей, из них лишь один был пристегнут ДУУ — ФЭСТ, у двоих детей не было возможности пристегнуться (были на санях), один 10-летний мальчик был пристегнут ремнем безопасности, и еще один мальчик 12 лет не был пристегнут. Два ребёнка погибли на льду, 6 ДТП произошли вне населенных пунктов.

В 2017 г. на территории Саратовской области произошло 158 (+16,2% к АППГ) ДТП с участием детей-пешеходов, в которых 162 (19,1% к АППГ) ребёнка пострадали и 1 (- 83,3% к АППГ) ребёнок погиб. 20% (31 ДТП) произошли в сумерки и темное время суток, в данных ДТП лишь в 11 (35%) случаях дети использовали световозвращающие элементы. Всего у 33 детей-пешеходов, попавших в ДТП, имелись световозвращающие элементы.

Таблица 1.

Число погибших и раненых в ДТП детей-пешеходов по возрастным группам

	до 7 лет	от 7 до 10 лет	от 10 до 13 лет	от 13 до 16 лет
погибло	0	0	0	1
ранено	26	41	51	44

Источник: [7].

Чаще дети становятся жертвами аварий в возрасте старше 10 лет. По неосторожности детей-пешеходов произошло 35% (55 ДТП) от числа всех ДТП с детьми-пешеходами.

В Саратовской области в 2017 г. произошло 24 ДТП (+84,6 % АППГ) с участием детей — водителей велосипедов. Наибольшее количество ДТП с участием детей-велосипедистов происходит в вечернее время с 18:00 до 20:00. По неосторожности детей-велосипедистов произошло 59% (12 ДТП) от числа всех ДТП с детьми-велосипедистами.

За 2017 г. на территории Саратовской области произошло 20 ДТП (+233,3 % АППГ) с участием детей — водителей мототранспорта. Дети не имели права управления транспортными средствами. В данных ДТП пострадали 19 водителей, 1 ребенок-водитель погиб.

По неосторожности детей-водителей произошло 60% (12 ДТП, +200% к АППГ) от числа всех ДТП с детьми-водителями.

По итогам 12 месяцев 2017 г. отмечается снижение количества погибших в ДТП детей на 41,2 %, увеличилось количество ДТП с участием детей в возрасте до 16-ти лет на 15,6%, число травмированных детей увеличилось на 18,7% [7].

По неосторожности детей произошло 23% ДТП от числа всех ДТП с детьми (81 ДТП).

Анализ ДТП с участием детей по категориям участников движения показывает, что 44% (157 ДТП) от общего количества ДТП с пострадавшими и погибшими несовершеннолетними составили пассажиры; 44% (158 ДТП) — пешеходы, 6 % (20 ДТП) — дети-водители механических транспортных средств; 7% (24 ДТП) — дети-велосипедисты.

57 детей в возрасте до 12 лет перевозились (30%) с нарушением правил перевозки детей.

Таким образом, можно сделать вывод, что профилактика детского травматизма должна состоять, прежде всего, в недопущении безнадзорного нахождения детей на улице и около водоемов. Необходимо обеспечить исправную работу сооружений, предназначенных для детских игр и спортивных занятий, нужно обучать детей правилам безопасного поведения в разных местах и ситуациях.

Необходимо разработать в Саратовской области программу жизнестойкости для подростков.

Органам местного самоуправления необходимо обратить внимание на покупку ветхих домов малообеспеченными семьями. При приобретении права собственности на данные дома, обеспечить проверку печного, газового и электрического оборудования.

Главам администраций муниципальных районов (городских округов) области продолжить работу по оказанию адресной помощи многодетным семьям, семьям, находящимся в социально опасном положении по ремонту печного хозяйства, электротехнических устройств, монтажу автономных дымовых датчиков со встроенным звуковым извещением о пожаре. Продолжить работу по проведению в школах и детских садах с родителями и детьми инструктажей по пожарной безопасности.

Предусмотреть во всех дошкольных образовательных учреждениях детские площадки с дорожной разметкой для изучения правил дорожного движения и разработать план реализации данных мероприятий.

Ежегодно в преддверии купального сезона проверять оборудованные места для купания и ограничить купание детей и взрослых в местах, не оборудованных для купания.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2018, с изм. от 18.01.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.01.2019) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Ежегодный Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области «О состоянии соблюдения прав и свобод ребенка в Саратовской области в 2015 году» [Электронный ресурс]. URL: <http://дети-саратов.рф/upolnomochennyij/ezhegodnyie-dokladyi.html>.
5. Ежегодный Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области «О состоянии соблюдения прав и свобод ребенка в Саратовской области в 2016 году» [Электронный ресурс]. URL: <http://дети-саратов.рф/upolnomochennyij/ezhegodnyie-dokladyi.html>.
6. Ежегодный Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области «О состоянии соблюдения прав и свобод ребенка в Саратовской области в 2017 году» [Электронный ресурс]. URL: <http://дети-саратов.рф/upolnomochennyij/ezhegodnyie-dokladyi.html>.
7. Официальная статистика ГИБДД РФ по Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://гибдд.рф/r/64>.
8. Данные ГУ МВД России по Саратовской области 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <https://64.мвд.рф>.
9. Официальная статистика Министерства здравоохранения в Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://minzdrav.saratov.gov.ru>.
10. Официальная статистика Следственного управления Следственного комитета по Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://saratov.sledcom.ru>.
11. Статистика Главного управления МЧС России по Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://64.mchs.gov.ru>.
12. Чем ребенку заняться летом [Электронный ресурс]. URL: <http://дети-саратов.рф/novosti/16-iyunya-2017-goda-nachala-svoyu-rabotu-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-«budushhee-rozhdaetsya-segodnya.-k-100-letnemu-yubileyu-organov-zags-rossii».html>.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD, ON LIFE THE OMBUDSMAN FOR CHILDREN IN THE SARATOV REGION

Artemenkova E.A.

The Central Russian institute of management" (RANEPA branch), Oryol

In article problems of protection of the rights of the child for life by the Ombudsman for Children in the Saratov region are considered. On the basis of the conducted research and the analysis of measures for realization of the rights of the child for life by the author the problems existing at the different levels are revealed. Conclusions are drawn and the solutions directed not only on restoration of the violated rights, but also on prevention of their violation are proposed.

Keywords: *Ombudsman for Children, children, rights, children's traumatism, addresses, minor.*

УДК 34.343.1

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10038

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В РЕШЕНИИ ВОПРОСА О СОБЛЮДЕНИИ РАЗУМНЫХ СРОКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Т. В. Петкевич

Статья посвящена актуальным вопросам, касающимся исследования понятия «электронного документа», его значения в уголовном судопроизводстве, а также внедрения электронного уголовного дела в деятельность правоохранительных органов. В статье анализируются научные взгляды ученых на понятие «электронный документ». Выдвигаются предложения для повышения эффективности расследования уголовных дел в разумные сроки.

Ключевые слова: электронный документ, разумный срок, уголовное судопроизводство, предварительное следствие, электронное уголовное дело.

В настоящее время разумный срок уголовного судопроизводства рассматривается в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства, а также как один из актуальных вопросов осуществления объективного предварительного расследования, поскольку, как и положения уголовно-процессуального законодательства и государственной политики Российской Федерации в целом, он призван обеспечивать соблюдение и реализацию прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Безусловно, соблюдение разумных сроков в процессе расследования уголовных дел очень важно, что обосновывается положениями действующего законодательства, в частности ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и дискуссиями научного сообщества [1].

Учитывая массовую компьютеризацию российского общества, рассматриваемый принцип не утратил своей важности и значимости, а наоборот, приобрел все большую актуальность в уголовном судопроизводстве. Кроме того, его роль и значение определяются ситуацией, которая складывается в органах предварительного расследования на данный момент времени, а именно: значительная загруженность следственных работников ввиду огромного массива уголовных дел; не всегда полное комплектование штата следственных подразделений. Данная ситуация может дополнительно усугубляться еще и рядом других обстоятельств. Так, с нашей точки зрения, одним из основных выступают временные и материальные (закупка бумаги, заправка картриджей и др.) затраты на подготовку процессуальных документов.

Петкевич Татьяна Витальевна — Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

В нашем государстве значительная часть рабочего времени работников следственных подразделений расходуется на составление процессуальных документов, которые сшиваются в многочисленные тома уголовных дел, передаются в архивы, а впоследствии, по истечении сроков давности, уничтожаются. В связи с чем возникают вопросы относительно временных и финансовых потерь, с которыми связан вышеуказанный процесс. Составление процессуальных документов в бумажной форме также зачастую связано и с допущением составителями ряда технических ошибок, которые могут исказить смысл, а также увеличить сроки подготовки материалов.

В указанном аспекте считаем целесообразным рассмотрение преимуществ электронного уголовного дела (электронного делопроизводства) над «бумажным аналогом», что подтверждается следующими факторами:

1. экономия времени и материальных затрат (уже отпадает потребность в закупке бумаги, заправке картриджей, ремонте печатающих устройств);
2. компактность условий хранения (сегодня кабинеты следователей и дознавателей оснащены сейфами, которые, к сожалению, не вмещают всего массива уголовных дел. Это приводит к тому, что часть из них может храниться в кабинете в условиях открытого доступа, что может привести к их утере, а в исключительных случаях — к уничтожению преступником и др.);
3. возможность копирования, исправления и внесения новых данных (исправления в бумажных документах влекут излишние траты бумаги и времени на повторное подписание и пересоставление. В электронном делопроизводстве не возникает трудностей с внесением исправлений в документы, не требуются дополнительные материальные затраты, необходимо лишь незначительное время на его корректировку);
4. возможность сохранения информации продолжительное время.

Преимущества электронного уголовного дела трудно переоценить. Приведем пример: зачастую уголовное дело в бумажном виде может длительное время находиться в учреждении, которое проводит судебную психиатрическую экспертизу; в прокуратуре или в суде при рассмотрении жалоб на действия и решения следователей; на изучении в следственных подразделениях территориальных органах МВД России и в других местах, что исключает его наличия у следователя, а, соответственно, лишает его возможности проводить иные следственные действия, что впоследствии приводит к увеличению сроков расследования [2, С. 41]. Для того, чтобы решить указанную проблему, следователь нередко прибегает к продлению сроков расследования, ссылаясь на отсутствие у него материалов уголовного дела. В связи с чем считаем, что вышеуказанные факты могут быть расценены заинтересованными лицами как неоправданное увеличение сроков расследования уголовных дел.

Анализируя вышеуказанные проблемные ситуации, а также обозначенные преимущества, считаем, что вышеописанная проблема легко могла быть решена при ведении уголовного дела в электронном виде, поскольку без каких-либо проблем можно направить материалы уголовного дела по техническим каналам связи для проведения судебной психиатрической экспертизы и во время ее осуществления проводить иные процессуальные и следственные действия, так как материалы уголовного дела в полном объеме будут иметься у следственного работника в наличии.

Наша точка зрения относительно электронного уголовного дела не является лишь теорией. Поскольку в настоящее время зафиксированы попытки внедрения электронного документооборота в различные виды деятельности со стороны органов государственной власти. Сказанное подтверждается рядом нормативно-правовых актов, рассматриваемых и принимаемых ими. Так, 27 июля 2006 г. был принят федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3], который закрепил понятие электронного документа, а принятый 6 апреля 2011 г. Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [4] предусмотрел основания для признания его достоверным, действительным и юридически значимым. В настоящее время на рассмотрении находится проект Федерального закона «Об электронном документе» [5; 6; 7], который более детально регламентирует порядок внедрения и использования электронных документов в жизнедеятельности граждан. Кроме того, действующие ГОСТы Российской Федерации, включая и межгосударственные, также отражают и регламентируют сферу деятельности электронных документов, закрепляя как определение электронного документа, так и требования, предъявляемые к ним для признания их действительными и достоверными [8].

В свою очередь, электронный документооборот, в том числе и ведение электронных уголовных дел, кроме преимуществ, имеет ряд трудностей в их использовании. Так, к примеру, для повсеместного использования электронных документов необходимо качественное оборудование и хорошо разработанное компьютерное программное обеспечение. Кроме того, необходимо более расширенное законодательное регулирование рассматриваемого проблемного вопроса.

Таким образом, внедрив электронный документооборот в уголовное судопроизводство, мы решим ряд проблем, с которыми представители следственных подразделений сталкиваются сегодня. Так, путем закрепления и признания электронных документов в качестве вещественных доказательств существенно будет упрощен процесс сбора, оценки и использования их в доказывании по уголовным делам. Применение указанных мер будет способствовать полному и своевременному расследованию уголовных дел в разумные сроки.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 30 июня 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды академии управления МВД России. Государство и право. Юридические науки. — № 1 (33). — 2015. — С. 41–44.
3. Об информации, информатизации и защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. от 30 июня 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
4. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (с изм. от 23 июня 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.
5. Об электронном документе: проект федерального закона № 159016-4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/5158530/>

6. Об электронном документе: проект Федерального закона № 39828-8 // Институт свободы. Московский либертариум, электрон. дан. — М., 2002. [Электронный ресурс]: URL:<http://www.libertarium.ru/25162>
7. О проекте Федерального закона № 159016-4 «Об электронном документе»: постановление ГД ФС РФ от 15.06.2011 № 5472-5 ГД // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 26. — Ст. 3720.
8. ГОСТ 2.051-2006 Электронный документ. Общие положения // Единая система конструкторской документации. — М.: Стандартинформ, 2007. — С. 2-7.
9. Абдулвалиев А. Ф. Опять про электронное уголовное дело // Право и политика. — 2013. — № 1. — С. 3–9.
10. Пальчикова М.В. Новая форма процессуальных документов как следствие информатизации суда // Информационное право. — 2009. — № 3. — С. 17–24.

ELECTRONIC CRIMINAL CASE ADDRESSING THE ISSUE OF OBSERVANCE OF REASONABLE TERMS OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Petkevich T.V.

Crimean affiliate of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol

Article is devoted to the topical issues concerning a concept research of "the electronic document", its value in criminal proceedings and also introductions of electronic criminal case in activity of law enforcement agencies. In article scientific views of scientists on the concept "electronic document" are analyzed. Proposals for increase in effectiveness of investigation of criminal cases in reasonable time are made.

Keywords: *electronic document, reasonable term, criminal proceedings, preliminary investigation, electronic criminal case.*
